

Лена Тулинова

Хрустальный детектив

Сезон 2.

Домик у моря

Лена Тулинова

**Хрустальный детектив.
Сезон 2. Домик у моря**

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Хрустальный детектив. Сезон 2. Домик у моря / Л. Тулинова —
«Автор», 2026

Жизнь менталиста после страшного проклятия была бы совсем невыносима, если б в ней не появилась Бланш Паради. Эта женщина-ураган и женщина-праздник всколыхнула Этьена Лемуара и заставила жить дальше.

Единственное, что не в силах Бланш - это отменить последствия проклятия, сделавшего его кости хрупкими, а ментальный дар крайне болезненным. Но Бланш не из тех, кто сдаётся. Она уже узнала, что есть средство, которое поможет, и непременно сделает всё, чтобы исцелить Этьена. А пока они вместе расследуют различные преступления и разбираются со своими чувствами.

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Хрустальный детектив.

Сезон 2. Домик у моря

Лит-Сериал. Второй сезон

ПРОЛОГ

Дорогой читатель! Если вы хотите освежить в памяти первый сезон литературного сериала «Хрустальный детектив» или же начали сразу со второго, то здесь вас ждёт краткий пересказ событий. В том случае, если вы хорошо помните, что было в предыдущих эпизодах, можете запросто пролистывать пролог и читать далее!

Итак, жил-был Этьен Лемуар. Будучи ещё довольно молодым детективным инспектором, он нарвался на проклятие. Оно медленно убивало Лемуара, однако опытные маги сумели от этого проклятия избавиться. Однако последствия остались. Этьен сделался хрустально-хрупким и нуждался в постоянном уходе.

Этот уход в течение многих лет осуществляла специально нанятая сиделка мадам Анри. Поскольку Этьен был магом-менталистом, эмпатичным и чутким, сиделка выбрала, по её мнению, правильный стиль общения: максимально отстранённый и безэмоциональный. Таким образом, тело хрустального детектива было обеспечено уходом, но постепенно Этьен угасал без должной подпитки эмоциями.

Мадам Анри устала от своей работы и решила уйти, а на смену в квартиру Лемуара стали приходить новые сиделки из агентства по найму персонала. Он искал женщину некрасивую и немолодую, такую, как мадам Анри, чтобы избыток эмоций не тревожил его. Но тут в жизнь Лемуара ворвалась практически сверстница, сорокалетняя Бланш Паради, которая стала свежим глотком воздуха для Этьена.

Сначала казалось, что они не найдут общий язык. Но Бланш очень была нужна работа, а Этьену – общение. Когда Этьен стал случайным свидетелем похищения женщины, он сумел вместе с друзьями, доктором Бонэ и комиссаром полиции Верньером, найти её и вырвать из рук безумца.

Бланш какое-то время колебалась между сложным и чутким инвалидом Этьеном и энергичным ветреным доктором Бонэ, но сам доктор слегка подтолкнул её в сторону выбора Этьена. Со временем, став напарниками в паре расследований, Лемуар и Бланш нашли общий язык и постепенно сблизились.

В ходе одного из расследований совместно с полицией Бланш знакомится с экспертом-криминалистом Сесиль. Та рассказывает о методе, который может устранить хрустальную хрупкость костей. Для этого нужно лишь определённое количество магических минералов. Проблема в том, что в старину маги, обнаружив, что минерал – это отличный источник магической энергии, истощили известные месторождения ради своих целей. Магических кристаллов стало не хватать, а маги, привыкшие к постоянной подпитке ими

Но было одно новое месторождение, которое несколько лет стало известным благодаря Жерару Мильфею и Максис д'Обер. Так как правительству требовались полицейские с магическими способностями, а таковых было немного, министр внутренних дел объявил, что магам, получившим инвалидность на службе, будет выдаваться по одному кристаллу минерала в год.

Сесиль рассказала Бланш о том, что для восстановления Этьена потребуется сразу несколько минералов, и та задумалась о том, как же их получить.

Бланш и Этьен постепенно начинают испытывать друг к другу взаимное чувство. Однако не спешат сблизиться. Этьена немного отпугивает бурная эмоциональность женщины, а она после не слишком удачных отношений с бывшими партнёрами боится неудач. К тому же Бланш

смущает, что ей платят жалование за услуги, и не хочет, чтобы среди таких услуг были ещё и интимные.

Но и держать дистанцию им всё сложнее...

ЧАСТЬ 1. Эпизод 1. Газетный детектив

ГЛАВА 1. Бланш

Лето поджаривало Сен-Фило на сковородках залитых солнцем крыш. На переполненных пляжах море, казалось, вскипало от перегревшихся тел, спешащих нырнуть в зеленоватую прохладу. Бланш, которая успела с утра посетить бассейн, куда сдавала по понедельникам, средам и пятницам тощее тело своего работодателя, смотрела на туристов со смешанными чувствами. Иногда и ей хотелось окунуться в море. Но при виде пляжей, где яблоку некуда упасть, казалось, что море не так уж и нужно.

Ну, или если нужно, то не здесь. Где-нибудь, где никого нет. Только она, Бланш Паради, и кто-то очень, очень близкий и родной.

Сейчас она оказалась возле моря совсем не затем, чтобы окунуться в его тёплые прибрежные воды. Она вернулась в свой дом, который наконец-то освободили отдыхающие. По счастью, молодая семья оказалась невероятно ответственной и после себя не оставила большого беспорядка. Бланш даже улыбнулась, увидев, что кто-то починил ножку журнального столика, которая давненько подламывалась. Конечно, при более внимательном осмотре можно было заметить, что в доме местами потрескалась краска, кое-где потёрлась обивка мягкой мебели, а часть посуды обзавелась сколами и трещинами. Но ведь если бы Бланш тут жила сама, всё это тоже легко могло появиться.

Она обошла всё, осмотрела, взяла с постояльцев оставшуюся часть денег за дом и провела их. А потом, оставшись одна, села на веранде в плетёное кресло и задумалась.

Острая нужда в деньгах осталась во вчерашнем дне. Сын написал из Монпансьеля, что нашёл работу и что ему внезапно начал помогать отец. Кажется, история с похищением Бланш не оставила её бывшего мужа равнодушным к судьбе их общего ребёнка. Нет, он, конечно, и здоровьем Бланш поинтересовался, но как-то вяло. Зато уразумел, что случись с ней что – и мальчик останется один. Что называется, пробрало! И теперь Пьер-Антуан не нуждался в съёмном жилье, потому что охотно переехал к отцу. А Бланш смогла свободней вздохнуть, потому что одной статьёй расхода стало меньше.

Но если ещё месяц назад она жаждала вернуться в свой славный дом на берегу, то теперь, кажется, искала повод этого не делать. Дело было, конечно же, в Этьене Ленуаре. Вернее в том, что Бланш страшно хотелось жить с ним. Не просто в одной квартире, а по-настоящему. Однако...

Чем больше она узнавала Этьена, тем страшнее становилось, что отношения невозможны. Мало ей было хрупкости работодателя, его хрустально-ломких костей! Мало было постоянно что-то залечивать да ещё вечно пытаться поддержать немощное тело в тонусе! Но нет! Хрупкой была и душа Этьена. Вечно он тянулся что-то исправить или кому-то помочь. Вечно он пытался кого-то наказать или хотя бы избавить от кое-каких изъянов... И, надо сказать, делал всё это крайне деликатно. Вот только после того, как Этьен применял эту свою магию, ему становилось плохо.

Ну вот как такого оставить даже ненадолго?

Но Бланш боялась и другого. В своих мечтах она не сумела продвинуться дальше поцелуев, потому что любое неловкое движение могло попросту сломать что-нибудь – и увы, совсем не в переносном смысле. Она не могла представить, каково это, находиться в одной постели с Этьеном, она боялась любить его. В физическом плане это казалось невозможным. В его родном ментальном – и вовсе мучительным.

А мучить человека, который тебе нравится, это последнее, чем хотелось заниматься Бланш. Она не сумела бы мучить даже тех, кого ненавидела. Вся её неприязнь могла вылиться

в едином порыве – выругаться или наподдать, причём второе крайне редко. Но постоянно причинять какие-то мучения – это было не про Бланш Паради, вовсе нет. Она даже нашла в библиотеке Ленуара пару книг по менталистике и тайком стала учиться скрывать свои эмоции. Не потому, что прежняя сиделка Этьена сказала, что с ним лучше всего общаться, когда никаких эмоций нет. Бланш так бы не смогла! А просто, чтобы ему было немного легче.

Излишняя эмоциональная открытость не всегда приносит радость. Тем более, если не привык к такому. Бланш вовсе не улыбалось стать источником постоянных мучений менталиста. Свою влюблённость она и вовсе затолкала подальше. Вдруг пройдёт сама? Влюблённость к Жану-Луи, например, очень быстро испарилась, хотя доктор по-прежнему казался притягательным и немножко загадочным.

Размышления Бланш были прерваны телефонным звонком.

– А! Я так и знал, что застану тебя тут! Как идёт переезд? – спросил бодрый голос.

Это было в стиле доброго доктора Жана-Луи Бонэ – ограничиться простым «А!» вместо приветствия или вопроса «как ты себя чувствуешь», или вообще вместо всего лишнего.

– Салют, – сказала Бланш. – Я только что о тебе думала, и тут ты звонишь.

– Я хотел проверить, поставили ли тебе новый телефонный аппарат, – сказал Жан-Луи.

– Поставили, пока Кассены снимали дом, – ответила Бланш. – Они даже помогли мне с оплатой, да и не пришлось караулить, пока придут мастера. А как стало удобно и модно!

– Да? А мне чертовски не хватает этих милых барышень, которые буркают «соединяю» так, словно ты отрываешь их от жизненно важных дел.

– Ну да, или так, будто хотят послать тебя куда-нибудь подальше. Например, на Вермудские острова.

– Кстати об этом, – сказал доктор Бонэ. – Меня тоже только что послали!

– Куда? – не поняла Бланш.

– К морским чертям. Мой дом подлежит сносу, а я – выселению. Не то чтобы я там часто появлялся, да и деньги от городских властей мне дадут... когда-нибудь, полагаю. Но выехать придётся как можно скорей, а снять жильё в Сен-Фило в это время года...

На размышление Бланш понадобилось не больше пары секунд.

– Жан-Луи, ты мой спаситель! Срочно приезжай, я дам тебе ключи от дома! Живи бесплатно!

Он подъехал так быстро, словно ждал за углом. Впрочем, это, наверно, его новое авто было такое быстрое, что домчало его в считанные минуты.

– О, добрый день, Жан-Луи! Как же я тебе рада! Можешь прямо сегодня завозить вещи, – затараторила Бланш. – И я не возьму с тебя ни единого лювре, так и знай!

– С чего вдруг такая щедрость? Я тебя знаю, ты прагматичная дама, – сказал Жан-Луи вместо приветствия. – Да и я не бедный оборванец, уж как-нибудь заплачу.

– Ты уже считаёшь заплатил, – с восторгом заявила Бланш.

– Да в чём дело-то? – удивлённо спросил доктор.

– В том, что мне не хочется переезжать, а дом нуждается в присмотре. У меня только одно «но» – через пару недель приедет Пьер-Антуан. Но это ненадолго, да и он вряд ли тебя стеснит.

– Пьер-Антуан? Твой сын? – уточнил Жан-Луи, как показалось Бланш, слегка настороженно.

– Конечно, мой сын, – с гордостью ответила она. – К сожалению, приедет всего на неделю, и ему где-то надо будет остановиться. Не у Этьена же.

– А где в это время будешь ты? Не у Этьена же, – сказал Жан-Луи.

– Сюда я буду только приходить, не волнуйся. Я же знаю, что ты стараешься держать меня на расстоянии, как будто боишься заразиться. Чем, кстати? Моим жизнелюбием?

У неё вдруг так поднялось настроение, что хотелось всего сразу – смеяться, кокетничать, шутить и даже танцевать. Но Жан-Луи не поддержал веселья, он лишь церемонно поцеловал руку Бланш и галантно сказал:

– Не думаю, что ты способна распространять иную заразу, а жизнелюбия у меня и у самого с избытком.

– В общем, ты можешь занимать мой дом и ни о чём не беспокоиться, – вздохнув, сказала Бланш. – А я скажу Этьену, что никуда не переезжаю. Надеюсь, он обрадуется.

– Ну ещё бы, – сказал Жан-Луи. – Я в этом просто уверен! Сколько ты с меня сдерёшь на правах лучшего друга?

– Я буду очень, очень рада, если ты просто поживёшь тут, – ответила Бланш. – Если тебе так хочется, ты можешь отплатить мне мелким ремонтом и ещё... Пожалуйста, не води сюда случайных женщин. Особенно когда приедет Пьер-Антуан. Мне не хочется находить повсюду трусики и лифчики чужих баб.

– Понимаю, – улыбнулся доктор Бонэ. – Да мне и некогда. Я весь в работе.

Бланш обняла его.

– Не представляешь, как я рада, что ты мой друг.

Обнимать Жана-Луи было чертовски приятно. Он такой крепкий, сильный... И от него всегда хорошо пахло парфюмом. Иногда Бланш втайне жалела, что у них ничего не получилось. Но и сейчас Жан-Луи как-то неловко кашлянул и отстранился. Наверно, она всё-таки не в его вкусе. Любит помоложе или постройнее? «А я когда-нибудь спрошу. Но не сейчас! Не хочу, чтобы его ответ испортил мне настроение!» Бланш схватила сумочку, шляпу, вручила доктору ключи от дома и своё хозяйское благословение – и побежала на остановку трамвая. Внутри всё так и пело.

Одной проблемой меньше, ну разве не прелесть? Для Бланш это значило, что и другие проблемы вот-вот начнут решаться одна за другой и сами собой. Ну а как иначе?

ГЛАВА 2. Этьен

Черти бы побрали этот переезд Бланш. Она ему нужна, и плевать бы на этот дом. Но Бланш в него вцепилась, как пиранья, твердила, что женщине без своего дома никак, и вообще – она его, Этьена Лемуара, стесняет.

Стесняет! В огромной двухъярусной квартире, где, когда он остаётся один, словно бродят целые толпы призраков...

В общем, Этьен сердился на дом, Бланш и съёмщиков, чей отпуск благополучно закончился. Едва они сегодня пришли домой из бассейна, как бессердечная компаньонка бросила его на произвол судьбы и приходящей поварихи. Та была знакома с Мадлен Анри – собственно, бывшая сиделка и посоветовала взять на работу эту достойную женщину. Поварихе было шестьдесят, не меньше, она работала по своей профессии четыре десятка лет. И готовила строго по меню, вызывая в Этьене раздражение и непонятную тоску по непредсказуемым обедам и ужинам от Бланш Мари-Клер Паради. Они были не всегда вкусные, это уж точно. Бланш хронически не умела точно следовать рецептам. Могла вместо кресс-салата взять капусту, а нежный сливочный сыр заменить зрелым козым. Она запросто меняла ингредиенты и даже обычное картофельное пюре могло оказаться чем-то особенным, хотя и необязательно съедобным. Но зато её опыты всегда были неожиданными. Порой настолько, что приходилось идти ужинать в кафе, чтобы не остаться голодными. Так вот, с новой поварихой ничего такого не было. Сегодня Этьена ждали кускус, куриная печень и цветная капуста с белым соусом. На вкус всё это было вполне неплохо... Но отчаянно скучно.

Всё ещё сердясь, он взял утреннюю газету в поисках какого-нибудь утешения. Начал с конца, с объявлений, и тут же азартно схватил карандаш. Какая-то молодая семейная пара искала домик у моря – не на месяц, не на остаток лета, а надолго, причём за любые деньги. Но Этьен тут же устыдился своего порыва. Бланш ведь так хотела жить отдельно. И хотя она

признала, что была неправа тогда, отголоски её слов, когда-то больно ранивших сердце, всё ещё помнились Ленуару. «Ночую только у тех мужчин, с которыми сплю».

Конечно, он легко сумел бы склонить прекрасную соблазнительницу к чему угодно – она бы даже не заметила. Такая открытая, до незащитности! Только вот казалось кощунственным внушать женщине любовь к себе, будучи таким... каков он сейчас.

Мысль об открытости эмоций Бланш навела Этьена и на другие размышления. Дело в том, что недавно понял, что в её душе, в её эмоциях всё-таки есть закрытые дверцы. То ли они там были, то ли появились недавно. И как назло, именно за эту дверцу хотелось заглянуть. Ведь Бланш почему-то стала скрывать своё отношение к нему, к Этьену. Что ставило его в тупик.

Он чувствовал, что определённо нравился этой женщине. Она была не против случайных прикосновений, а поцелуи вызывали в ней целую бурю, но... Всегда оставалось одно маленькое «но». Эта дверь вдруг оказалась заперта. Этьен никак не мог понять – есть ли за нею любовь.

Возможно, Бланш скрывала именно её отсутствие.

– Умеешь же ты терзаться всякими возвышенными и непонятными чувствами, – с оттенками одновременно зависти и превосходства говаривал Жан-Луи время от времени.

И нынче был как раз такой, очень классический для Этьена случай.

Он уныло просмотрел страницу «Утреннего Сен-Фило» и вдруг нахмурился пуще прежнего. На прошлой неделе они с Бланш уже строили версии вокруг данного большим шрифтом и выделенного рамкой объявления «пропала женщина». Сегодня посреди страницы красовалось такое же, но с другим фото, с другими приметами и именем. Предыдущее никуда не делось, но терялось в колонке объявлений помельче: извещениями, кто с кем познакомится и кто когда женился. Странно это всё. Пропала одна девушка – случайность. Конечно, статистика была безжалостна: девушки тонули в море, становились жертвами похитителей, бывали убиты ревнивыми поклонниками. Этьен считал счастливым исходом случаи, когда молодые искательницы приключений сбегали из дома с гастролирующими музыкантами или, никому не сказав, уезжали поступать в столицу «на актерский». Даже если девица потом с позором возвращалась в Сен-Фило с округлившимся животом и разбитыми надеждами – это всё равно была живая девица, не так ли? Или молодая женщина, покинув мужа, сбегала прочь, но потом возвращалась как ни в чём не бывало... Всякое бывало. Вот только возвращения случались реже, чем несчастливые исходы.

Так что «пропала одна женщина» – для маленького приморского городка не бог весть какое событие, если раз в год. Но раз в неделю – уже чертовски странное совпадение.

На всякий случай Этьен аккуратно переписал эту заметку в блокнот, а затем отправился в кабинет, отыскал предыдущую в старой газете и тоже выписал всё. В кабинете было душно. Он стал совсем редко сюда заходить, и даже Бланш заглядывала в эту комнату только раз в неделю. Надо попросить уборщицу и Бланш, пусть как-нибудь устроят здесь генеральную уборку, а пока достаточно просто открыть окно и поднять шторы. Пусть морской воздух и солнце немного освежат здесь всё!

– Этье-эн! – вот так, нараспев, позвали его... и квартира вдруг изменилась.

Хлопнули форточки, брызнуло на стёкла солнце, занавески вспорхнули, захлопали крыльями, и захотелось дышать и смеяться.

– Бланш, ты опоздала, – Этьен принял у компаньонки лёгкий жакет и шляпку, чтобы она не бросила их где попало.

Пока пристраивал в прихожей на вешалку, Бланш уже скинула босоножки на изящном тонком каблучке и босиком прошлёпала в гостиную.

– Этьен, ужасно сожалею, но я в этом месяце от тебя не съеду, – заявила без тени печали.

Он встал в дверях комнаты. Бланш уже была в кресле, уютно подобрала под себя ноги, расправила юбку светлого платья.

– Поехала проверить, как там дом, а у меня уже целая очередь желающих там пожить! Ты себе не представляешь, как было трудно отбиться!

– Люблю, когда ты так взхлёб и самозабвенно привираешь, – улыбнулся Этьен. – Не было никакой очереди, и не отбивалась ты от желающих. Но дом всё-таки сдала.

– Сдала!

– А ведь хотела там жить. И как быть с приездом твоего сына? Ты все уши мне прожужжала...

– А я сдала дом одинокому мужчине, – сказала Бланш. – Он согласился немного потесниться, когда Пьер-Антуан приедет.

– Пока ты разъезжала туда-сюда, обед остыл, – предупредил Этьен, зная, что её это никогда не пугало.

– Ты чем-то озабочен, – сказала Бланш, поднимаясь с кресла. – В чём дело?

– Поражён твоей наблюдательностью, – Этьен поплёлся за нею в кухню. – Ничего особенного. Просто беспокоился за судьбу твоего дома.

Бланш уже возилась возле кастрюль и сковородок, остывавших на плите.

– Всё вполне ещё тёпленькое, – сказала она, без разбору накидывая еду на большую тарелку. – Но только есть это можно исключительно под стаканчик арлионского вина. Софи готовит так уныло, что над тарелкой можно уснуть.

– Да, мне тоже не хватает твоих непредсказуемых блюд. Когда никогда не знаешь заранее, есть там соль и специи или ты забыла их добавить. А помнишь, как-то раз у тебя сломалась перочница и ты всё вывалила в рагу?

– Ну ты только попроси, и я тебе сотворю что-нибудь этакое, – хорошее настроение Бланш нельзя было перешибить никакой критикой. – Ради тебя я готова и солонку сломать, и бутылку с маслом разбить. Всё, что прикажете, мсье Ленуар!

И она, пробегая мимо Этьена с тарелкой, вдруг чмокнула его в щеку.

– Чем ты тут без меня был занят, что стал таким букой? – спросила Бланш, когда, наконец, уселась и принялась за еду.

Этьен выудил из шкафчика бутылку арлионского – подаренный Жаном-Луи удобный штопор оказался как нельзя кстати. Правда, даже от небольшого усилия у детектива заныли пальцы. Но он стойчески это вытерпел и налил вино в два хрупких бокала.

– Я читал газеты, – сказал он, садясь напротив Бланш.

Она звякнула своим бокалом о его.

– Ничего себе нынче новости, – сказала компаньонка. – Расскажешь?

Этьен кивнул:

– Чуть позже. Хочу, чтобы ты спокойно поела.

Что-то такое появилось в её глазах. И в то же время Этьен понял, что не различает эмоций Бланш. Она стала закрываться от него. Если ещё и переедет...

– Не представляешь, кто будет жить в моем доме, – сказала Бланш очень довольным тоном.

– Думаю, это Жан-Луи.

На её лице отобразилось простодушное огорчение и даже обида.

– Для тебя не существует загадок!

– Ты упомянула, что это мужчина и что он одинок. И что согласится жить рядом с твоим сыном. К тому же ты радуешься так, словно рада не только за себя. А Жан-Луи не так давно опасался, что его дом не пройдёт проверку городских властей на ветхость и изношенность зданий. Вот я и предположил, что дом всё-таки не прошёл... И ты сдала ему своё жилище.

– Но ты не предположил, а уверенно сказал, – Бланш слегка выпятила нижнюю губу, и Этьен отвёл взгляд.

– Потому что я был почти уверен, а ты не отрицала, значит, это Жан-Луи, – сказал он с лёгкой улыбкой. – Ты поела?

– Да, – она снова звякнула бокалами, – и вино почти допила. Мы можем взять его с собой в гостиную?

– Не стоит напиваться в такую жару, – предупредил Этьен.

– Представляю, каким скучным ты будешь мужем, – фыркнула Бланш.

– Хочешь проверить?

– А ты будто бы хочешь предложить?

– Только если ты готова.

– Но я не готова.

– Тогда зачем представлять?

– Затем, что ты скучный!

Этьен пожал плечами.

– Ладно! Тогда я не расскажу тебе про газету, которую читал!

– Я сама найду заметку, которая тебя огорчила, – сказала Бланш. – Жажду реванша!

И в гостиной, пробежав по газетным колонкам глазами, безошибочно выбрала объявление о розыске девушки.

– Пропала без вести, – сказала Бланш. – На прошлой неделе ведь уже была такая пропажа, мы её обсуждали.

– Я помню, – сказал Этьен.

Она посмотрела на него в упор.

– У нас дело?

– Давай попробуем.

ГЛАВА 3. Бланш

Чёрт бы побрал этот учебник по менталистике! Из-за него теперь приходилось постоянно думать и окорачивать себя, и сдерживать свой нрав, свои порывы. А Бланш к такому не привыкла.

Сейчас было так хорошо и даже уютно сидеть за рабочим столом в кабинете Этьена... А, да, они устроились в святая святых, куда там спальне! В кабинет Бланш дозволялось входить только раз в неделю, чтобы проверить, нет ли там пыли. Но пыль в этом загадочном месте скапливалась неохотно, в отличие от таинственности.

Так вот, сейчас Бланш и Этьен сидели близко друг к другу, касаясь плечами, и было сложно думать о чём-то помимо вопроса: «А может, всё-таки попробовать? Осторожненько так, аккуратненько. Ведь есть же разные позы...»

И скрывать эти мысли становилось всё сложнее.

– Ты что-то ёрзаешь и думаешь о чём-то отвлечённом, – упрекнул Этьен. – И я не понимаю твоего настроения.

Во второй фразе укора было куда как больше, чем в первой. Бланш только вздохнула.

– Ничего из этих газет не ясно, – сказала она. – Объявления дают слишком мало информации.

– Это да, – согласился Ленуар. – А что бы ты сделала, если б тебе надо было выяснить, что случилось?

– Наверно, начала бы отсюда, – Бланш перевернула газетный лист и ткнула пальцем в название.

– Всю газету прочитала бы заново? – не понял Этьен.

– Уж такой проницательный человек, как ты, мог бы и сообразить, – вздохнула Бланш.

– Я бы пошла в редакцию.

– В редакции посторонним людям вряд ли рады, – возразил детектив.

– Думаю, есть два способа раздобыть информацию! Или внедриться в штат, чтобы похитить сведения, ну, или заплатить.

И она сделала характерный жест пальцами.

– Неплохо, – одобрил Этьен. – Осталось только узнать, что подействует лучше в конкретном случае.

– Это же «Утренний Сен-Фило», местное издание, всего-то дел – съездить да узнать.

Ей вдруг пришла в голову потрясающая идея.

– Предлагаю пари, – Бланш с улыбкой протянула Этьену раскрытую ладонь. – Ты пользуешься деньгами, а я обаянием. Кто быстрее и больше нароем интересующей нас информации, тот молодец.

– Мне всё ещё не по себе на людях, – сказал детектив.

– Прекрасно понимаю, столько эмоций вокруг, и не самых приятных, – сказала Бланш в ответ, – да и толкнуть могут невзначай. Но на самом деле женщины ничуть не менее уязвимы даже при всём своём здоровье и ментальной непроницаемости.

Он чуть свёл брови к переносице.

– Я никогда не разговаривал с тобой о ментальной непроницаемости. Откуда ты про неё узнала?

– Ещё до школы научилась читать и с тех пор пользуюсь навыком, – ответила Бланш истинную правду. – Ты же тоже вон читаешь на досуге!

– Почитываю, – с деланным безразличием сказал Этьен.

– Ну так что? Пари?

– Эээ...

– Я тебе подскажу: звонишь в редакцию, назначаешь встречу, приезжаешь к определённом часу на такси – и никаких лишних людей, все только по делу, – сказала Бланш. – Ну, а я как-нибудь без лишних трат обойдусь.

– Если уж совсем по-честному, то ты должна обойтись вообще без денег, а я совсем без обаяния, – сказал Этьен.

– Ну почему? У тебя есть немножко обаяния, а у меня кое-какие деньги, так что ими вполне можно пользоваться – другое дело, что мы лучше умеем пускать в ход или то, или это. А вот магии у меня нет, так что, воспользуйся ты ею – это уже будет нечестно. Мы же за честную игру?

– За честную! – Этьен очень осторожно положил руку на её ладонь.

Бланш изо всех сил не вздрогнула и не обмерла от ласкового тепла. Этьен словно изучал – что там, под хрупкой корочкой неумелой ментальной защиты? А она ведь не маг, чтобы стать умелой. В учебнике было руководство для тех, кто магией не владеет, но хочет поставить защиту – но предупреждалось, что опытный маг сумеет её взломать, если приложит определённые усилия.

Но Этьен их прилагать не стал, только погрузнел ещё больше.

– Спорим на желание, – в последний момент спохватившись, сказал Ленуар.

В то же мгновение Бланш убрала руку.

– Надеюсь, ты сумеешь выполнить то, что я задумаю, – сказала она голосом коварной соблазнительницы.

– Надеюсь, что я сумею придумать такое желание, которое сумеешь выполнить ты, – без улыбки ответил Этьен.

Благослови, боже, новые телефоны от компании «Франкйская линия»! И, разумеется, типографию Сен-Фило, столь оперативно среагировавшую на это благое дело выпуском свеженьких телефонных справочников. В допечатках появлялись всё новые номера по мере того,

как по городу устанавливали всё новые и новые аппараты. Впрочем, и старых аппаратов ещё было достаточно, так что телефонные барышни всё ещё существовали. Должен же кто-то осуществлять связь с теми домами и конторами, в которых пока были старые аппараты, и отвечать при этом всё тем же недовольным голоском: «соединяю!»

Вознося молитвы то Всевышнему, то изобретателям,двигающим прогресс, Бланш отыскала в новом справочнике номер телефона своей бывшей клиентки. Ещё до того, как стать администратором в салоне, мадам Паради неизменно наводила порядок на черноволосой кучерявой голове обаятельнейшей мулатки Мануки де Жанеран. Сейчас Манука работала в еженедельнике «Морской берег» и писала для него обзоры, эссе и статьи под несколькими псевдонимами. Бланш хорошо знала, что Манука Афри, Мона Этуаль и Минни Браво – одно и то же лицо. И именно это лицо приходило за освежающими масками, выщипыванием бровей, красивыми причёсками. Бланш не настолько давно оставила кресло администратора салона красоты, а за публикациями Мануки следила с интересом.

– Алло, – жеманно, на выдохе произнёс давно знакомый голос. – Манука слушает.

– Добрый день! А Манука ещё помнит, кто сражался с её кудрями? – спросила Бланш.
– Тогда динь-динь, моя шоколадка!

– Ооо, моя конфетка, моя Блонди, динь-динь! А ты вернулась в салон? Манука завтра же запишется на окси, если вернулась! – заверещали на том конце. – И на лами тоже!

– Манука, я тоже рада тебя слышать, – сказала Бланш, с удивлением понимая, что в последний раз, общаясь с журналисткой, щебетала на таком же языке. – Но я не вернулась. Мадемуазель Ферран сказала, что я для салона красоты слишком старая, толстая и некрасивая.

Тут она позволила себе горький смешок, потому что не считала себя ни той, ни другой и ни третьей. А если уж смотреть глазами Бонэ или Этьена, так и вовсе была красавицей на все сто, и отнюдь не лет или килограммов.

– Да ладно, – Манука сочувственно фыркнула. – Тебе просто не повезло, блондинистый рыхлый типаж, обычное дело. У чёрных кожа толще и натянута, как на барабан. Что до полноты, то извини – где там твоя Ферран её у тебя нашла, я даже представить боюсь! До меня тебе всегда было далеко, Блонди!

– Если бы это говорила не ты, Манука, я бы, пожалуй, обиделась. Но тебе это сойдёт с рук... при одном малюсеньком условии, – сказала Бланш.

Она на самом-то деле обиделась, но ради дела решила обиду проглотить, иначе, чего доброго, поспорит Этьену. Он, кстати, заглянул в гостиную, где стоял новёхонький лакированный аппарат, и кашлянул:

– Мне тоже нужен телефон, Бланш.

– Говорят, в некоторых домах стоит два и даже три телефона, – не осталась в долгу женщина. – Не слышал?

– Распоряжусь, – ответил он. – Говорят, когда их два, через второй можно подслушивать.

– С кем ты там? С любовником? – ревнивой кошкой мяукнула Манука.

– С двумя, – невозмутимо ответила Бланш.

– Ооо, не думала, что до такого дойдёт. И как тебе? Тоже хочу попробовать.

Бланш поморщилась. Эти подробности личной жизни журналистки ей были ни к чему.

– Слушай, мне надо как-то устроиться в газету или журнал, – сказала Бланш. – Хочу составить тебе конкуренцию!

– В нашей вакансии нет, а вот в ежедневных газетенках всегда текучка. Они попросту не набирают материал и вынуждены постоянно увеличивать разделы объявлений или рекламы. Ну, а что толку в рекламе, если газета неинтересная? Её же и покупать не будут!

– Верно, – сказала Бланш. – А я ведь могу вести колонку красоты или, скажем, милых женских сплетен.

– Ооо, – протянула Манука. – Ну мне всё равно нет в этом равных, но для начинашек подойдёт что-нибудь типа «Сегодня в городе» или...

– Или «Утренний Сен-Фило», у тебя же вроде там был когда-то свой человечек, – чирикнула Бланш якобы с восторгом. – Манука, шоколадочка моя, динь-динь!

– Динь-динь, конфетка, – чуть настороженно сказала журналистка. – Ну да, один из выпускающих редакторов, Густав, мой бывший поклонник. Только я этого никогда не афишировала! И не вздумай с ним крутить, я обижусь.

– И в мыслях не было, – завершила её Бланш. – Мне бы только в газетку попасть, так хочется хоть немножко походить на тебя! Я ведь тоже твоя поклонница, моя ты шоколадочка.

Всё-таки нелегко шло это общение, Бланш сама от себя не ожидала, что говорить с журналисткой на их прежнем языке окажется непросто!

– Моя ты конфеточка, желаю тебе успехов и славы. О! Если тебя запишут в штат, мы уже в конце августа сможем встретиться на закрытой вечеринке для журналистов, это очень интересно. Запишу тебя на всякий случай. Два пропуска, тебе и кавалеру. Придётся тебе выбрать только одного из твоих любимчиков!

Манука захихикала, и Бланш ответила тем же. Этьен, терпеливо ожидавший на диване своей очереди на телефон, услышал это хихиканье и посмотрел на Бланш с некоторым недоумением.

– Ну всё, замолвлю за тебя словечко Густаву, приходи завтра утром в редакцию и спроси его. Густав Шнайдер, второй редактор, он довольно милый, но не обольщайся. Зубки у него как у пираньи. И еще раз, Блонди, не вздумай с ним флиртовать! Ну всё, динь-динь!

– Динь-динь, Манука, – ответила Бланш, но та уже бросила трубку.

– Мне жаль, что я это не записал на артефакт, – сказал Этьен. – Жаку бы понравилось. Он как раз уверен, что очаровательные блондинки именно так и разговаривают.

– О, моя собеседница меньше всего похожа на блондинку, – сказала Бланш.

– Я догадался, – бесстрастно сказал Этьен. – Можно мне трубку? Я должен позвонить в банк.

– Огооо, да ты не мелочишься! Решил купить всю редакцию сразу? – засмеялась Бланш.

– Я не настолько богат, да и потом – зачем она мне? Я даже не могу напечатать или написать статью, чтобы её издали. А вот тебе, если ты собираешься завтра на встречу с редактором, нужно если не портфолио, то хотя бы какое-нибудь произведение. Успеешь написать эссе или статью?

– Да я её даже напечатаю, – гордо заявила Бланш. – Печатать ты не можешь, однако машинку я у тебя видела.

– Одно время пытался диктовать мадам Анри мемуары.

– О, наверное, они были слишком скучные, и она засыпала прямо на рабочем месте, – пошутила Бланш.

Этьен повернулся к ней спиной и принялся с огромной осторожностью набирать номер на телефонном диске. Она потихоньку вышла. Компаньонке, в отличие от сиделки, дозволялось пребывать в кабинете. И даже печатную машинку трогать!

Но она, сказать честно, ещё не знала, о чём будет писать. Куда интереснее оказалось немножко порыться в старых бумагах. Мемуары там действительно были. В папке, скреплённой сверкающей скрепкой. Даже магом не надо быть, чтобы понять: скрепка ни за что не даст заглянуть в текст, который прятала эта папка.

Ну что же, история Этьена Ленуара по-прежнему оставалась для Бланш тайной. Жан-Луи рассказал о ней только в общих словах – получил проклятие на службе. А сам Ленуар так ничего и не говорил. Спрашивать было неловко.

Хотя и в бумагах рыться не сказать, чтобы комфортно было – Бланш отчего-то даже испытала облегчение, нарвавшись на защитный артефакт.

Ну, а теперь за статью! Бланш уселась поудобнее, заправила в машинку несколько листов писчей бумаги, установила каретку – это было для неё привычной работой, потому что в салоне приходилось печатать прайсы, объявления и тому подобные бумажки. Хорошо, когда известно наперёд, что нужно напечатать. А вот когда следует сначала сочинить, а потом записать...

Предвидя муки творчества, Бланш подняла глаза к потолку. Может быть, оттуда помашет белой ручкой муза, насылающая на писателей небывалое вдохновение?

Но музы не было. Вот так всегда: всё приходится делать самой. Она сходилась в свою комнату, повертелась перед зеркалом, накрашила губы. На этом все дела кончились. Даже уборку не надо было делать! Тогда Бланш решительно пробралась в кухню с твёрдым намерением заткнуть кухарку за пояс. На ужин, согласно меню, оставленному мадам Анри, предполагались котлетки на пару, молодой отварной картофель и шоколадное суфле. Так, ну паровые котлеты – это ужасно, котлеты лучше жарить, а картошку вкуснее будет запечь с сыром. Но суфле – это неплохо... Повариха заявила к тому моменту, когда Бланш сражалась с какао, сливками, крахмалом и яичными белками.

– Мой бог, мадам Паради, – всплеснув полными морщинистыми руками, воскликнула повариха. – Зачем вы тут хозяйничаете? Я же ведь не лезу в ваши партнёрские отношения с мсье Леруаном!

– Леруаром, – машинально поправила Бланш. – Софи, я обожаю готовить, а мсье Леруар соскучился по моим блюдам. Так что на сегодняшний вечер вы свободны.

– Вы совершенно не учитываете соотношение жиров и белков, – огорчённо сказала Софи. – На ночь нельзя жареное, а в суфле лучше бы подошло молоко...

– Софи, мне вас не понять! Послушайте, в меню стоят картошка, котлеты и суфле, и хозяин получит картошку, котлеты и суфле, так что с этим всё в порядке, – сказала Бланш. – А вы получаете свободный вечер. И если хотите, приходите завтра только к обеду, с завтраком я справлюсь сама.

– К обеду надо замочить фасоль, – не желала покидать плацдарм повариха. – А на завтрак мсье Леруар всё равно желает только кофе и булочку, поэтому меня не затруднит...

– Софи, идите, – сказала Бланш. – Понимаете меня? Идите!

Очевидно, она поняла как-то не так, обиделась и ушла. Зато в дверях кухни возник Этьен.

– Чем это пахнет?

– Ох! Кажется, сыр немножко пригорает, – спохватилась Бланш и кинулась к плите.

А затем, когда картошка под сыром была спасена (ну, почти), вернулась к столу взбивать белки. Не думая, сунула палец в рот – и с удивлением заметила взгляд Этьена. Что? Ему не нравится, что она облизывает пальцы?

– Твоя помада, – сказал Леруар. – Немного вызывающий оттенок.

И поспешил удалиться.

Бланш посмотрелась в отражение в дверце буфета. Оттенок как оттенок, малиновый такой, приятненький, а главное, модный. Этим летом все блондинки с ума сходят по малиновым тонам!

Она стёрла пальцем небольшой комочек белковой пены возле губ и вдруг улыбнулась отражению.

После ужина Бланш побежала в кабинет и там первым делом напечатала заглавными буквами название будущей статьи: «Влияние цвета помады на настроение вашего мужчины».

ГЛАВА 4. Этьен

Бланш, охваченная кипучей деятельностью, уподоблялась урагану, за которым было чертовски приятно наблюдать. Этьен даже пару раз припадал к приоткрытой двери своего кабинета и любовался. Даже издали он ощущал эмоции Бланш и всё сильнее утверждался в одной мысли.

Невозможно постичь женщину, даже если ты – маг-менталист, а она не прячет свои чувства. Нельзя понять, что у неё на уме, потому что этот ум работает совершенно не так, как ты привык. Тем интереснее наблюдать, тем более захватывающе находиться с ней рядом!

– Добрый день, – сказал Этьен по телефону, – могу я услышать главного редактора?

– Мсье Люка занят. Что ему передать? – деловито и любезно ответила какая-то женщина.

Профессиональные нотки, ни капли кокетства или неуверенности, полное спокойствие и невозмутимость. Неужели у редактора такая секретарша? Нет, вряд ли.

– Вы его заместитель, – сказал Лемуар. – Мне нужна встреча с главным редактором. С мсье Люка.

– Если вы по поводу цикла статей про мэра де Витте – совещание состоится завтра, – сказала деловитая дама. – Если по поводу расследования – он освободится не раньше полудня, потом у него обед. Во время обеда он проведёт летучку с начинающими репортёрами. После... если успеете за полчаса, то можете подойти. Запишу вас на час пятнадцать?

– А раньше никак? – отметив про себя «начинающих репортёров», уточнил Этьен.

Если он опередит Бланш, то непременно выиграет.

– Нет, никак, мсье. Главный редактор тоже человек, ему ещё сына женить на выходных. Если до них не дотянет – то какая может быть свадьба? Одни только похороны.

– У него всё так плохо? – спросил Этьен.

– А как вы думали? Он почти не спит и не ест, если не заставить! А между тем большое сердце...

В голосе между стальными нотками сквозила искренняя забота о шефе.

В половине одиннадцатого вечера Этьен в третий раз подошёл к двери кабинета. Но теперь он не стал таиться, а вошёл – без стука. Во-первых, это больно. А во-вторых, это всё-таки был его кабинет.

Бланш азартно била пальцами по клавишам машинки. Светлые волосы выбились из причёски и торчали как попало, и особенно нежной казалась шея в вороте скромного платья с белым вышитым воротничком. Она слегка вспотела, и к порозовевшей коже пристала волнистая прядь, которую хотелось отодвинуть. А шею – поцеловать.

– У тебя пальцы ещё не болят? – спросил Этьен, тщетно пытаясь взять эти игривые мысли под контроль.

– А? Пальцы? – Бланш посмотрела на свои руки и вздохнула. – Да, пожалуй. Возле ногтей особенно. Но что не сделаешь ради...

– Ради искусства?

– Какое там! Ради желания, конечно! Очень интересно, как ты его будешь выполнять.

– Надеюсь всё сделать, если ты не задумала какие-нибудь цирковые номера, – сказал Этьен серьёзно. – Тогда мне точно лучше будет победить.

– Я вот не только допишу, я ещё и выиграю спор. И не только выиграю спор, но ещё и запросто стану журналистом, – пригрозила Бланш.

– Почему ты во всём этом так уверена?

– Потому что это, чёрт возьми, идеальная заметка для женщин. В журналах столько всего, а для женщин только две колонки: с рецептами и о домашнем хозяйстве. Помереть можно со скуки! Даже о моде можно узнать только из рекламных объявлений. В этом, конечно, мы, «Утренний Сен-Фило», сильно проигрываем толстым столичным изданиям. Но даже такая скромная газета может ещё отыгаться, если делать там регулярные публикации о том, что интересно женщинам. Понимаешь?

– Конечно, – с нежностью сказал Этьен и слегка пригладил непослушные светлые пряди на голове Бланш. – Только если ты сейчас пересидишь за машинкой, завтра непременно проспий. И тогда твои планы не осуществятся.

– Я как раз дописала, – она нетерпеливо тряхнула головой и выдернула листки из каретки.
– Три страницы, представь, я никогда в жизни столько не писала. Разве что в школе.

И на радостях обняла его – аккуратно, то ли чтобы ничего не повредить, то ли чтобы не помять свою драгоценную статью.

– Если хочешь, я могу проверить ошибки. Утром перепечатаешь начисто.

– Э нет, я тебе не доверяю, – сказала Бланш. – Ты наверняка задумал какую-нибудь каверзу! С чем я пойду завтра в редакцию к этому загадочному Густаву, если ты испортишь мою статью?

– Дай хотя бы взглянуть! Я много читал и немало писал в своё время, у меня есть опыт. Могу посоветовать...

Но Бланш спрятала руки со статьей за спину.

– Не надо! Ты просто боишься проиграть и завидуешь моей гениальности, – запальчиво сказала она и удрала к себе.

Этьен, посмеиваясь, прибрал на столе, насколько мог. Заметил и то, что кое-кто сунул нос в его несостоявшиеся мемуары. Рука словно сама собой скользнула по нетолстой папке, сняла артефакт-скрепку. Пусть прочитает – потому что рассказывать всё равно будет непросто.

Утром Бланш поставила перед Этьеном чашку свежего кофе, очень крепкого. Он поискал глазами плетёнку с горячими круассанами: Софи, когда приходила, непременно приносила их на завтрак. Сегодня круассанов не было. Бланш сняла со сковороды гренки с омлетом, посоветовала есть быстрее, пока горячие: это-то уж не разогреешь. С её любовью к разогреванию, Этьен был уверен: она бы сумела и это, но он не оставил гренкам шанса.

– Надеюсь, ты не совсем прогнала Софи, потому что какой-то порядок же должен быть, – сказал как бы между прочим.

– Да? Ну, я весьма порядочная женщина, так что справлюсь пару раз, пока она одумается, – махнула рукой Бланш. – Так, обед... Обед у нас будет не дома, а вот к ужину что-нибудь придумаем. Или Софи вернётся, у неё же есть ключ.

– А почему обед не дома? – спросил Этьен, хотя прекрасно знал, почему.

– Потому что днём мы будем обрабатывать редакцию. Хотя... Возможно, я уложусь до полудня, тогда приготовлю что-нибудь лёгкое. В такую жару наедаться до отвала всё равно вредно.

Это звучало достаточно разумно, хотя беспечность Бланш в отношении таких важных вещей, как питание, Этьена всё-таки немного волновала. Ничего, в последние пару недель он уже успел насладиться предсказуемым меню. От дня-другого непредсказуемости ничего не делается!

– Что ж, – когда завтрак закончился, Этьен сложил в карман вырезку из газеты, – да победит умнейший.

Бланш рассмеялась, приобняла его и чмокнула в щёку. У неё были славные духи – лёгкий аромат груши, ванили и ещё чего-то очень приятного, как будто домашнего. И оделась она удивительно мило – в светлое платье с рукавами-крылышками и пышной юбкой. Острый, точно стрела, угол выреза указывал на притягательную ложбинку груди. Только неприятно кольнуло: пойдёт ведь сейчас ради дела соблазнять какого-то Густава! И какой-то Густав с удовольствием будет окуна́ть свой взгляд в эту вот ложбинку...

Пользуясь тем, что Этьен оказался слегка дезориентирован, Бланш выскользнула за дверь и уже с лестничной площадки сообщила:

– Я заказала тебе такси! Но учти, что тебе надо в редакцию позже чем мне, так что у меня всё равно фора!

Э? Ему такси? А себе как же?

Но зря беспокоился: когда выглянул в окно, то увидел, как с места плавно трогается машина Жана-Луи. Недавно друг хвастался тем, что наконец-то сел за руль новенького авто взамен прежнего, разбитого, между прочим, при спасении Бланш. И Этьен тогда как-то рассеянно слушал, а теперь вот провожал взглядом эту машину. Не умыкнули бы у него Бланш! К примеру, доктор.

«Я что, ревную? – призадумался Этьен, парой часов позже со всеми предосторожностями садясь в такси. – Да, похоже, что ревную!»

Эта эмоция была... новой и неприятной. Возможно, Бланш, чуткая почти как настоящий маг-менталист, что-то такое почувствовала. Вот и стала закрываться. У неё мог быть кто-то, запросто мог быть – и вот, чтобы не ранить его...

Да-да. И она сдала дом Жану-Луи, да ещё так радовалась. Что ж, с ним она наверняка будет более счастлива. Калечный, хрустально хрупкий – на что он годен?

– Приехали, – сообщил таксист недовольным голосом. – Жара-то какая, а?

– Да, жарко, – безразлично ответил Этьен.

Ему предстояла короткая встреча с редактором. А он всё никак не мог собраться с мыслями – что поделать, соревнование с Бланш началось не в его пользу. Но у него была мотивация, чтобы выиграть! Ведь если он сумеет добыть информацию первым, она непременно выполнит его желание.

По-честному простое. Или просто честное.

ГЛАВА 5. Бланш

Пресловутый Густав Шнайдер оказался щеголеватым невысоким молодым человеком такой степени блондинистости, что Бланш с первого взгляда стала ему завидовать. Волосы и кожа такого оттенка могли принадлежать лишь альбиносам. Да и эти светло-серые глаза – когда свет падал под определённым углом, казалось, что у них сиреневый оттенок. Одетый к тому же в белоснежную рубашку и соломенно-жёлтый костюм, к которому шли галстук, шляпа и туфли молочного оттенка, он казался светлым пятном, солнечным зайчиком, сливочной карамелькой.

Бланш представила этого мужчину в постели с темнокожей Манукой и поневоле улыбнулась. Журналистка определённо выбрала себе этого «поклонника» нарочно, ради постельной экзотики.

Густав поцеловал Бланш руку и спросил хорошо поставленным, довольно высоким тенором:

– Итак, вы – мадам Паради, начинающая журналистка. Что ж, надеюсь, в вас есть искра таланта.

– У меня талантов целый фейерверк, – заверила его Бланш, – выбирайте любой.

Пауза, которая последовала за этими словами, получилась до неприличия глубокомысленной, после чего Густав слегка поклонился и улыбнулся уголками красных и блестящих губ. Как будто напомаженных! Это неприятно контрастировало со всем белым и светлым великолепием, и Бланш слегка поёжилась. К тому же от Густава сильно пахло цветочной водой – как будто он вылил на себя полфлакона.

– Мне нравятся скрытые таланты, – сказал молодой редактор. – Что ж, до самых глубинных при первой встрече докапываться просто неприлично, так что давайте посмотрим, что у нас на поверхности.

И, окинув Бланш внимательным взглядом, кивнул.

– На привлекательной и не лишённой лоска поверхности. Идёмте, я провожу вас в кабинет, мадам Паради. Он у нас рассчитан на добрый десяток сотрудников, но пока есть лишь пятеро, так что вам там не будет тесно.

– Вы берёте меня на работу? Вот так сразу?

– Ну, не могу же я отказать мадемуазель Афри, – пожал не слишком широкими плечами Густав. – Сегодня у нас, кстати, после обеда, главный редактор проводит мастер-класс для новичков. Можете присутствовать. А пока дайте мне что-нибудь, чтобы никто не мог сказать, что я взял вас по протекции или из личной симпатии.

Бланш протянула ему свою заветную тонкую папочку, где лежали три листка со статьёй про цвет губной помады. Сердце сладко замерло от чудесного предчувствия: вот сейчас Густав как прочитает, как поймёт, что перед ним будущий талантливый журналист, новая акула пера и гениальный писатель... Но выпускающему редактору было интереснее пофлиртовать. Он задержал свою руку на пальцах Бланш. Она вздрогнула оттого, что рука Густава оказалась такой горячей! Ей-то казалось, что при такой белоснежной коже мужчина должен быть холодным. Если не как лёд, то хотя бы как мрамор в склепе или вампир на отдыхе, как в кино на прошлой неделе...

– А вот и наш кабинет! – Густав распахнул перед Бланш дверь.

О, это был скорее зал, чем кабинет! Здесь на приличном расстоянии друг от друга стояли столы с тумбочками, вдоль стен высились стеллажи до потолка... Здесь хищно щёлкали клавишами пишущие машинки, а за главным столом, который стоял на возвышении, поблескивала королева всех пишущих устройств – машина «Гран-Фра». В её чёрное лакированное тело были встроены в специальные гнёзда целых два больших кристалла – свежих, судя по травянисто-зелёному оттенку и яркому мерцанию. К «Гран-Фра» можно было присоединить звукозаписывающий артефакт – «ракушку памяти». Ракушки сами по себе не были такой уж редкостью, хотя и являлись той разновидностью артефактов, которые могли активировать лишь магически одарённые. А вот прослушивать записанное мог и не маг – он лишь включал устройство. Так вот, при наличии мага в штате у журналистов появлялась исключительная возможность: подключать «ракушку» к печатающей машине «Гран-Фра». И та совершала истинное чудо: печатала без помощи чужих рук, переводя аудио в текст.

Сейчас возле машины никого не было. Интересно было бы узнать, кто же тут маг? Вряд ли Густав, потому что он тоже смотрел на «Гран-Фра» с трепетом и уважением, и вряд ли кто-то из тех, кто сидел за рабочими столами, занятый своим делом...

– Да вы богатое издательство, – сказала Бланш удивлённо. – Я слышала, такие машины есть в Монпансьеле, но...

– А, это мы выиграли конкурс мэра, – сообщил Густав. – Ох, как же злилась Манука!

– Представляю, – кивнула Бланш.

Скорее всего, именно после этого конкурса Густав и стал «бывшим поклонником» Мануки Афри. А ведь наверняка они эффектно смотрелись рядом!

– Вы прочитаете мою статью, мсье Шнайдер? – спросила Бланш, когда ей показали один из незанятых столов и сообщили, что отныне это её рабочее место.

– Поручу сотруднице. Пока просто выполните тестовое задание, у вас до мастер-класса от мэтра Люка почти два часа.

– Задание? Вот так сразу? – обрадовалась Бланш.

– Тестовое. Напишите, пожалуйста, тестовое задание, как вернуть бывшего.

– Бывшего кого? – не поняла Бланш.

– Ну, всё равно. Мужа, партнёра, любовника. Проявите фантазию, напишите интересно – так, чтобы я не смог оторваться. Не лейте зря воду, не тратьте слов, но дайте воображаемому читателю не просто надежду: дайте совет. Работайте, мадам Паради.

И он ушёл, не забыв подбросить строгой даме задание в виде дебютной статьи Бланш. А сама начинающая журналистка уселась на новое рабочее место.

На столе были и печатная машинка, и бумаги вдосталь, и карандаш, и ручки, заправленные чёрными, фиолетовыми и красными чернилами. Всё это, разложенное в идеальном порядке, ждало выполнения тестового задания. Только вот в голове мадам Бланш Мари-Клер

Паради не было и намёка на порядок! За что хвататься? С чего начать? Почему Густав не стал читать её прекрасную статью про помаду, а предложил такую странную тему для эссе?!

Но тут её принялись осаждать обитатели просторного кабинета. Они собрались у стола новенькой и начали наперебой знакомиться. Всего пятеро – но как же много было у них слов! Бланш честно пыталась запомнить, кто есть кто, но попробуй в такой кутерьме не сбиться, особенно когда каждого человека называют по-разному! Например, Клариссу де Куэнтин, ту самую немолодую, звали и Клари, и Куку. Молоденькая журналистка с высокой красивой причёской именовала себя Людевинн Луазо, а прочие называли её Лулу. Или вот ещё, полный и одышливый Бувье Леклер, которого называли то Буфет, то Эклер. Ещё двоих Бланш запомнила, потому что с ними всё было просто: Жэбэ и Габри. То есть как-то более полно их тоже звали, только она не успела услышать, слишком дружно все пятеро болтали, рассказывая о себе и своей работе.

Услышав имя новенькой, они тут же начали предлагать сокращённые варианты, хотя куда уж короче, чем «Бланш»?

– Подскажите, что мне делать, – попросила она, когда журналисты притихли, обдумывая, как прозвать Бланш в их общем стиле. – Мне очень надо кое-что узнать у мсье Шнайдера. Как найти к нему ключи?

– Бланш, так он же дал вам ключи, – засмеялся смуглый, симпатичный Габри. – Он же спит и видит, как заполучить обратно свою мулаточку. Вы не смотрите, что он всех тут целует и обнимает, и держит за ручку – это у него тактильная недостаточность, обожает лапать всех, даже парней. И манера такая вьедливая, но... Увы, он обожает только Мануку, а та страшно зла на него за конкурс. Считает, что мы нечестно его выиграли. Напишите то, что он хочет. Ему нужен совет, так пусть получит, всего-то и делов!

– «Делов», – проворчала немолодая Куку. – Вы слышали, Бланш? С кем приходится работать...

– Она считает, что более грамотнее нас, – фыркнула юная Лулу.

– Надеюсь, вы хотя бы не путаете буквы и не говорите «более грамотнее», – раздражённо сказала Куку.

Бланш пожала плечами, делая безразличное лицо, но про себя уже жалела, что не позволила Этьену проверить ошибки в её статье. Там, возможно, было и кое-что похуже, чем «делов». Но ведь в целом-то статья была гениальная, и это наверняка нельзя было не заметить и не понять! Приободрившись, новоиспечённая журналистка спросила:

– А кто занимается колонками объявлений?

– О, это в соседнем отделе, – сказала Куку. – Там же много грамотности не надо, знай набирай текст, который присылают по почте или говорят по телефону. Так что это по сути машинистки. Они могут перепечатать статью набело, еслиставишь правки – корректоры у нас недостаточно грамотные, лучше правь сама.

– У нас прекрасные корректоры, – проворковал Габри. – И редакторы тоже. Я, к примеру, превосходный литературный редактор.

– Ну да! Ты заменил мне в статье «микроскопический» на «малюсенький». Какая глупость! – проворчал толстяк Бувье. – А однажды в эссе заменили «кусочек масла» на «сливочный кубик». Кубик? Серьёзно?

– А туда можно устроиться? – спросила Бланш. – В отдел объявлений?

– Зачем? – удивилась Людевинн «Лулу» Луазо. – Здесь больше платят и работа интересная.

– Боюсь, мне даже тестовое задание не по зубам, – пробормотала Бланш, не вдаваясь в объяснения по поводу того, что ей куда нужнее соседний отдел с его доступом к телефонам и адресам заявителей. А может, и пропавших женщин, как знать!

– Я взгляну на ваш текст и дам вам пару советов, – пообещала Кларисса. – А пока просто набросайте план будущей статьи. И не волнуйтесь. Это неуверенность новичка, это пройдет. Зато у вас есть жизненный опыт!

Вся беда была в том, что жизненный опыт не мог помочь Бланш притащить Мануке выигранную другой редакцией машину. Без неё та вряд ли простит Шнайдера! А поклонников у неё и без него наверняка было с избытком.

Она всё же села за пишущую машинку, но довольно долго не могла набрать даже заголовок. В голове опять, как вчера, поселилась какая-то невесёлая пустота. И чистый лист, заправленный в каретку, пугал своей белизной.

В конце концов она ткнула пальчиком в клавишу, в другую. Писала недолго, потому что совет был всего один. И в конце прибавила: «Услуга за услугу, Густав. Я помогаю вам, а вы мне!»

Несмотря на то, что план казался не таким уж плохим, Бланш вдруг поняла, что её грызут с одной стороны совесть, а с другой – сомнение. И то, и другое было не слишком-то привычно.

Их спор с Этьеном теперь казался таким дурацким! Тем более Бланш осознала, что даже до сих пор не придумала такое желание, которое удовлетворило бы её. Всё лезли и лезли в голову какие-то восхитительные глупости, какая-то сладостная муть. Ничего общего с настоящей жизнью, которая была одно мучение. И имя этому мучению было – Этьен. Этьен, весь как будто стеклянный, весь сам измученный собственной хрупкостью. Эта болезненная ломкость и её, Бланш, кажется, поразила! Во всяком случае, заставила терзаться несвойственными ей мыслями и чувствами.

И Бланш чувствовала себя человеком, который пытался сохранить жизнь тающей снежинки и в то же время обожал её, единственную, неповторимую, стремительно исчезающую.

ГЛАВА 6. Этьен

Из-за жары Лёнуар выбрал из богатого гардероба только серые брюки из лёгкой ткани и светлую рубашку, а на галстук и пиджак просто не решился. Ничего, это ведь курортный город, в разгар лета можно позволить себе некоторую вольность. Туристы порой ходили и в шортах. А кое-кто даже рубашку расстёгивал, что, конечно, привлекало внимание полиции.

Однако пришлось всё-таки позаботиться о безопасности. Носки под мягкие туфли Этьен надел довольно толстые, перчатки выбрал из кожи, хоть и с перфорацией... И шляпу надел из тончайшего светлого фетра. Конечно, без шляпы голове легче. Зато она защищает череп.

Ничего, не растает же он, в самом деле, он ведь не льдинка!

Этьен вздохнул. Как надоело быть хрустальным! Как хотелось по-настоящему крепко сжать в объятиях желанную и любимую женщину, и чтобы она так же сильно обняла его...

Нет, вот это сейчас лишнее. Авось всё выгорит с ходатайством на минералы и авось экспериментальная операция поможет. Старый друг Жак Верньер неустанно хлопотал об этом, однако подводило то, что Лёнуар уже давно не числился в штате полиции. А минералы стали чуть более доступны не так давно. В связи с этим закон касался в основном тех полицейских и солдат, которые стали инвалидами не столь давно, как Этьен.

Доктор Бонэ, со своей стороны, усиленно писал статью, почему экспериментальная операция на скелете именно Этьена Лёнуара внесёт большой вклад в медицинскую науку, особенно магическую. Врожденная хрупкость костей существовала и мешала расти малышам. Но ставить опыты на младенцах – это чудовищно и бесчеловечно, а тут согласный на всё сорокалетний детектив-инвалид. Почему бы не попробовать?

Надежды, надежды. Нельзя сказать, чтобы с ними Этьену стало как-то легче жить. Но определённо заставляло задуматься о будущем, в котором он мог быть счастлив. В этом будущем рядом, конечно, было место для Бланш.

Собравшись и усевшись в такси, Лёнуар отправился в редакцию «Утреннего Сен-Фило». Таксист ехал небрежно, и в голове вдруг мелькнула интересная мысль: если уж чаще стал выби-

раться из дома, так не завести ли своё авто? Водить Этьен бы не смог, но ведь можно нанять шофёра. Правда, если с ним всё будет так же сложно, как с массажистками – то искать придётся долго! Зато он бы мог заказать очень мягкую обшивку салона.

– Приехали, – хмуро буркнул таксист, словно читал мысли, и они его брали за живое. – С вас два лювре.

Этьен выбрался из жаркого нутра автомобиля и промокнул белоснежным платком лоб. Окинул внимательным взглядом окрестности, изучая обстановку. Здание редакции «Утреннего Сен-Фило» воображение не поражало: оно располагалось на улице Складской и выглядело соответственно: старое кирпичное строение с несколькими вывесками. Судя по ним, на двух этажах этого дома уживались не только две газеты, но и несколько мастерских. Тут изготавливали цветы из ткани и бумаги, чинили обувь, ремонтировали технику. Напротив, кстати, сверкала новенькая вывеска офиса «Соврю-минерал»: тут заряжали «уснувшие» минералы для артефактов. Второй этаж этого дома выглядел обновлённым благодаря тому, что там вставили новые окна, блестящие чистыми стёклами, а несколько балконов объединили, выстроив что-то вроде галереи. Это смотрелось чужеродно, как новенькая красивая шляпа на грязной голове нищего.

После такого фасада Этьен вовсе не ожидал удобных интерьеров, однако, поднявшись на второй этаж, был приятно удивлён. Светлые, чистые, просторные помещения, много стекла и белого мрамора. А ещё тут было прохладно.

– Мне нужен главный редактор, мэтр Люка, – обратился Этьен к серьёзному молодому человеку, который первым попался ему на глаза.

Молодой человек развёл руками – он то ли страшно спешил, то ли понятия не имел, где искать мсье Люка. Этьен прошёлся по этажу, но не нашёл ни приёмной, ни кабинета редактора, зато увидел лестницу, ведущую к застекленному переходу в другое здание, скрывавшееся за двухэтажкой и потому незаметное с улицы. А уж там, вот чудо, слева обнаружились печатный цех и складские помещения, а справа – обширный буфет. Правда, бумагой и краской тут пахло больше, чем едой. Да и вопросы к полезности питания с таким соседством у Этьена были серьёзные. Но в буфете обнаружились сдвинутые вместе столики, а за ними с чашками чая – журналисты, и во главе всего этого собрания восседал солидный мужчина в костюме цвета уличной пыли. Очевидно, это и был мэтр Люка, потому что все на него взирали с уважением и даже обожанием.

Этьен поискал глазами Бланш – но среди журналистов её не было.

Вряд ли стоило беспокоиться по этому поводу, однако что-то кольнуло.

К Ленуару подошла симпатичная, чуть полноватая молодая женщина в красном брючном костюме. Она походила на спелое яблочко – круглая, румяная и улыбчивая.

– Добрый день! Я хотел побеседовать с мэтром Люка, – сказал Этьен.

– А, здравствуйте, – женщина протянула руку – короткопалую, с квадратной ладонью. – Мы говорили с вами по телефону. Я Арлен.

Он узнал голос, но куда подевались эти строгие и деловые интонации? Женщина была явно та же, однако куда веселее и общительнее.

Этьен избежал пожатия при помощи поцелуя и был собою доволен.

– Мэтр Люка разговаривает с будущими специалистами, – сказала Арлен. – Через минутку уже освободится. Что вы хотели? По телефону я не очень вас поняла.

– Просто небольшую услугу, мадемуазель, – улыбнулся Этьен.

Он старался быть обаятельным, но эта Арлен его смущала. Было в ней что-то хищное, неприятное. Не во внешности – тут всё было в порядке! – а в том, что Этьен успевал считывать с эмоционального фона. Яблочко-Арлен была на самом деле женщиной сильной, цепкой и довольно недоверчивой. Вот и сейчас на улыбку она ответила мимолётной гримаской.

– Всё-таки вы очередной рекламщик.

– Вовсе нет. Меня зовут инспектор Ленуар.

– Удостоверение?

– Я пришёл в частном порядке.

– Если я позвоню в полицию?..

Этьен и бровью не повёл. Допрос его не пугал.

– Спросите комиссара Жака Верньера, – сказал он спокойно.

– И вы считаете, что раз мы печатаем объявления о пропавших, нас можно подозревать?

– Арлен изображала хладнокровие, но, кажется, постепенно давала слабину.

Во всяком случае, подобралась и напряглась, будто опасаясь пропустить удар. Смотрела, словно кошка на ловца бездомных животных: желтоватые глаза как будто украла с чужого лица. И от такого взгляда хищные черты обозначились резко и дико. Настороженность читалась и в жестах, и в эмоциях.

– Мадемуазель Арлен, – окликнул её мэтр Люка. – Мы закончили! Мсье ко мне?

– К вам, мсье Люка, к вам, – как можно добродушнее отозвался Этьен. – Мадемуазель Арлен, хочу принести извинения, если невольно вас напугал.

– Что вы хотели, мсье? – спросил главный редактор.

– Он что-то вынюхивает! У нас будут неприятности из-за объявления о пропавших, – пожаловалась Арлен и тем самым разрушила мысленно уже выстроенную Ленуаром линию беседы.

– Я лишь хотел узнать данные тех, кто подавал эти объявления. Мне надо найти родню пропавших, – сказал он.

– Так узнайте у своего комиссара Верньера, – раздражённо сказал редактор, показывая этим, что не пропустил ни слова из беседы Этьена с Арлен. – А то взяли моду! Знаете что, мы не помогаем тем, кто любит всё разноухивать в обход полиции. И не помогаем частным сыщикам!

– Я не частный сыщик, – сказал Этьен.

– А я не про вас, инспектор, – ответила женщина. – Сегодня одна дамочка уже втиралась в доверие к журналистам и отделу объявлений, однако мсье Шнайдер быстро вывел её на чистую воду и из нашего здания.

– Вот как, – сказал Этьен. – А вы не заявили на неё в полицию?

– Этим инцидентом занимался мсье Шнайдер, – сказал мэтр Люка. – И вам, инспектор, я никаких адресов не дам. Мы сотрудничаем с полицией, а больше ни с кем. Вы можете быть частным сыщиком или засланным из другой газеты человеком, мне всё равно.

– Послушайте, я ищу женщин. И хочу предотвратить возможную пропажу других... – начал Этьен.

– Поиском пропавших занимается полиция. Насколько известно редакции, заявлений туда не поступало. Этих женщин никто не ищет, – сурово сказал Люка.

– Кроме частных сыщиков, очевидно, – язвительно вставила мадемуазель Арлен.

– А с частными сыщиками, увы, мы не дружим, – заключил мэтр Люка. – Ни за какие деньги.

– Я бы на вашем месте сперва разузнал, какие деньги я готов заплатить за информацию, – сказал Этьен и достал из кармана бумажник – слова о деньгах пришлось кстати и вернули его к задуманному плану.

Во взгляде Арлен появился интерес, но мэтр Люка, кажется, его не разделял. Он принялся настаивать на том, чтобы Ленуар покинул буфет, редакцию, здание и даже улицу, на которой оно находилось.

Однако у выхода детектива догнала мадемуазель Арлен, снова похожая на соблазнительное яблочко. Как будто даже прихорошилась! Но её эмоции всё ещё были цепкие, кошачьи.

– Инспектор Ленуар, – сказала она. – Постойте, мсье Ленуар. Меня интересует этот ваш другой способ. Я хочу вам кое-что дать.

Этьен достал из бумажника купюру в пять жюке. Вопреки его ожиданиям, глаза мадемуазель Арлен вовсе не засверкали алчностью. Более того, ей было явно неловко.

– У вас какие-то проблемы, – сказал Этьен.

– У меня долги, и я вынужденно делаю что-то вопреки желанию начальства, – кривовато улыбнулась Арлен. – Инспектор, мэтр Люка имеет основания скрывать кое-что, но я должна сказать. Обе пропавшие женщины публиковали объявления в колонке знакомств. Первая – пять раз, другая – дважды. Вот копии этих объявлений. То, что выделено красным карандашом – это информация не для печати. И тут вы видите имена и адреса. А вот сами объявления. Видите что-то интересное?

Этьену хватило даже беглого взгляда.

– Они сбавили себе лет, – сказал он. – В объявлениях указан возраст: тридцать шесть первой пропавшей и тридцать восемь второй. А здесь написано – тридцать.

– Знакомиться предпочитают с теми, кто помоложе, – словно извиняясь за такое мошенничество, сказала мадемуазель Арлен.

– А почему мэтр Люка хочет скрыть эту связь? – уточнил Этьен.

– Потому что если полиция или частный сыск займётся расследованием, – ответила Арлен, – интерес к объявлениям через газету может сильно упасть. А это как-никак значительная статья дохода. Вы знаете, сколько сейчас одиноких людей? И сколько из них еженедельно подаёт в газету объявления?

Копии упомянутых объявлений стоили по два жюке каждое, но там была очень ценная информация – имена и адреса. Этьен взял эти листки бумаги, радуясь не тому, что победил, а тому, что можно начать поиск женщин.

Даже если их уже нет в живых – как знать, вдруг он сумеет предотвратить ещё одно похищение?

Ну, а теперь пора была возвращаться и узнать, как там проигравшая Бланш. Наверняка расстроена!

ГЛАВА 7. Бланш

Ей не довелось попасть на встречу журналистов с главным редактором, потому что настырная и вьедливая Куку взялась прочесть статью про губную помаду. И подняла скандал.

– Это же неслыханно! – бушевала Куку.

– Кларисса, прошу тебя, – гудел толстяк Бувье. – Подумаешь, пара ошибок.

– Да какая пара! В жизни не видела столь безграмотного текста! Даже Лулу себе такого не позволяет! Тут не только ошибки, тут – мой бог! – настолько криво построенные предложения, что у меня язык не поворачивается назвать это статьей! И даже заметкой!

Всё-таки, видимо, стоило доверить Этьену хотя бы взглянуть на текст.

– Ну вот я и не была уверена, думала, может, мне всё же больше подошёл бы отдел объявлений, – лепетала Бланш, отступая.

– Чтобы у нас все объявления выходили с грамматическими ошибками и альтернативной пунктуацией? Да как вы можете, Бланш, претендовать тут на место хотя бы полумойки?

Вообще-то Бланш уже жалела, что не подумала наняться уборщицей. Это была не такая уж плохая идея, учитывая доступ ко всем помещениям.

– А я сразу почуяла неладное, – заявила Лулу. – Она наверняка из частных сыщиков. Я чуяла это своим сердцем!

Бувье с интересом посмотрел на область сердца, когда Лулу прижала руки под грудью. Впрочем, Бланш подумала, что толстяку куда интереснее были выпуклости, которые тут же чётко обозначились под строгой блузкой.

– Дамы, дамы, ну что вы набросились на барышню? Она ведь новенькая, ещё не обывлась, – добродушно уговаривал сердитых женщин Габри.

Но только Лулу это не успокоило. Наоборот! Её лицо исказилось и она понесла какой-то бред про мужчин, которым только одного и надо. Видимо, смуглый красавчик Габри нравился молодой симпатичной журналистке.

Поднявшийся гвалт привлёк внимание Густава. Альбиносу не дали толком вникнуть в причину скандала, у всех были свои версии. Бувье утверждал, что Кларисса-Куку снова давит на новеньких, сама Куку утверждала, что Бланш заслали конкуренты, чтобы при помощи безграмотной журналистки уронить репутацию «Утреннего Сен-Фило». Людевин-Лулу горячо обвиняла Бланш в том, что та на самом деле и не журналистка вовсе.

– Может быть, она всё-таки частный сыщик? – выдвинул предположение Габри.

– Сыщиков тут не любят, – в наступившей тишине сказал Бувье.

– Ха! Сыщиков никто не любит, – сказал Густав.

– Послушайте, мсье Шнайдер, – пробормотала Бланш, которую практически вывели на чистую воду, – это всё недоразумение. Взгляните, пожалуйста, на начало моей новой заметки...

Он взглянул. И взял новенькую под локоток.

– Вам придётся уйти, – заявил он. – На нас уже из других отделов смотрят, и даже, кажется, заместительница шефа...

И быстренько вывел Бланш из кабинета, а затем и вовсе из здания. Тут он огляделся по сторонам и завёл свою новую знакомую за угол.

– Вы правда знаете, как вернуть Мануку? – спросил он. – И что вы хотите?

– Мне нужны адреса двух пропавших женщин, – твёрдо сказала Бланш. – Взамен я сведу вас с Манукой снова.

– Как?

– Это уже моё дело, – ответила Бланш, у которой было приблизительно полторы идеи.

Ну или даже одна с четвертью!

– Всего-навсего адреса? – уточил Густав.

– Всего-навсего! – сказала Бланш.

– Если вы обманете, мадам Паради...

– Мой бог! Для чего мне обманывать? Умоляю, сходите в отдел объявлений и раздобудьте для меня то, что я прошу. Это очень важно!

– Всё-таки вы сыщица, – огорчился Густав. – Точно обманете.

– Вас обманывали сыщики? – удивилась Бланш.

– Вы не представляете, сколько раз, – ответил Густав. – К примеру, один частный сыщик неделю ходил по пятам за мсье Габри в надежде найти компромат.

– О, – сказала Бланш. – Супружеская измена?

– Во все нет! Оказалось, что Габри хотел, чтобы его уволил наш мэтр. Тогда его бы взяли в журнал, – вздохнул Шнайдер. – А однажды мадемуазель Луазо повезло найти эксклюзив, из-за которого её едва не убили! И всё по наводке детектива. Впрочем, тот отказался изрядным жуликом...

– Ужас какой, – сказала Бланш. – Клянусь вам – я не из таких!

Но не стала уточнять, из каких именно.

Густав, однако, увлёкся. Тут, в тени деревьев и стен, было уютно и довольно уединённо – что, очевидно, располагало Шнайдера к откровениям.

– Ох, да это ещё что! Однажды нас едва не закрыли!

– Из-за частных сыщиков? – на всякий случай ужаснулась Бланш.

– Не совсем. Скорее, из-за журналиста, который провёл дерзкое расследование. Это давно было, года три назад. Может, помните... Это было довольно громкое дело в суде. А после нас обвинили в клевете на человека, который то ли убивал, то ли не убивал...

– А он убивал?

– У него пропали дочери, сначала одна, потом другая. Взрослые дочери. Конечно, он их не похищал и не убивал! Но поскольку репортёр сделал слишком поспешные выводы...

Тут Шнайдер отчего-то порозовел и подвигал бровями. Наверно, это что-то означало.

– Понятно, – кивнула Бланш. – Нет, мсье Густав, я не собираюсь делать дерзких заявлений или кого-то преследовать. Мне лишь надо разыскать пропавших бедняжек... Ну идите же, идите, Густав! Нам нельзя терять времени. Чем скорее вы осчастливите меня сведениями, тем скорее получите и свою порцию счастья.

И впрямь, стрелки часов уже подбирались к двенадцати. Скоро явится Этьен и, чего доброго, сумеет опередить Бланш! Но Густав вернулся быстро, буквально через пару минут.

– Вот адреса этих двух мадам, а также номера телефонов людей, подавших на них в розыск. Всё, на этом мои обязательства выполнены. Я могу рассчитывать на то, что вы не забудете о вашем обещании?

– Всецело можете, – клятвенно заверила Бланш. – Вот мой телефон, – она набросала на краю листочка с адресом свой номер, оторвала уголок и сунула Густаву. – Держите, мсье Шнайдер! И до встречи.

Уже ловя такси на улице, она подумала, что, наверное, лучше было бы дать Густаву номер телефона в своём доме, а доктору Бонэ выдать рекомендации, как отвечать на звонки мсье Шнайдера. А она, растяпа, написала более привычный номер Этьена Ленуара, и что будет, если он возьмёт трубку?! Впрочем, спор их вот-вот закончится, и дальше им работать уже сообща, так что, наверное, и ничего страшного.

Доехав до улицы Морской, Бланш убедилась, что обогнала Ленуара – дома его не было. Софи, увы, тоже не появлялась, так что придётся самой позаботиться об обеде. Что ж, Бланш изучила содержимое холодильника и пришла к выводу, что лучшим выходом будет сбежать в кафе напротив.

С Этьеном они столкнулись на пороге, когда она, увешанная свертками и пакетами, будто на Рождество, пыталась достать ключ из сумочки.

– Подержи-ка, – сказала она, сунув Ленуару несколько, казалось бы, не тяжёлых пакетов.

И даже не сразу поняла, откуда это раздражённое шипение. Этьен побросал все пакеты на пол и прислонился к стене.

– Я полдня выживал как мог, – сказал он, явно стараясь, чтобы голос звучал весело, – чтобы ты сломала мне запястье своими свёртками.

– Ну, зато это же я, а не какой-нибудь чужой человек, – как могла утешила его Бланш. – Всё, заходи, я быстро!

Она кое-как собрала свёртки с пола, роняя из них какие-то пакетики и пачечки, боком толкнула уже закрывающуюся обратно дверь, поскорее покидала то, что не упало в прихожей, на стол в кухне. И бегом кинулась на выручку Этьену. Тот как был, уже прилёг на свою кровать с рычагами и шарнирами. Бланш увидела, что у него ушиблены пальцы левой руки и, действительно, сломано запястье правой. Упрекая себя за легкомыслие, Бланш поскорее взялась за дело. Обезболивающие уколы, магические артефакты и...

Она осторожно накрыла ладонью менее пострадавшую левую руку Этьена – просто чтобы случайно не причинить ему новую боль. И, чуть поколебавшись, сосредоточилась на том ментальном блоке, который так неумело и решительно поставила сама. Долой его! Хватит этих стен и дверей – пусть лучше Этьен почувствует и поймёт её доброе и трепетное отношение к нему. То, чего недоставало всем этим сиделкам, когда они касались Этьена. Для них он был ещё одним пациентом, очередной работой. Для Бланш – человеком, которого хотелось беречь, о котором надо было заботиться больше, чем о ком бы то ни было, которого она желала любить.

– Спасибо, – сказал Этьен. – Ты не представляешь, что ты только что сделала.

– Представляю, – вздохнула Бланш. – Взбаламутила тебя. Я ведь не маг...

– Ты лучше, чем маг, – не вполне понятно высказался Этьен. – Ты ангел.

ГЛАВА 8. Этьен

Они вздрогнули от звонка в дверь и поневоле отпрянули друг от друга. Этьен не сдержал досадливого вздоха – так хорошо Бланш приткнулась к его плечу, так уютно они сидели рядом на диване. Это была невероятно приятная для Этьена близость, и разрывать её не хотелось. Но пришлось – потому что звонок повторился более длительно и настойчиво. Бланш, шлёпая по полу босыми ногами, поспешила открыть.

– А! – услышал Этьен. – У вас тут, как я вижу, весело! Почему у вас по всей прихожей валяются продукты?

– Добрый вечер, Жан-Луи, – ответила Бланш, и не надо было даже напрягать слух, чтобы услышать, как она щедро чмокает доктора Бонэ в щеку. – Проходи! Обед будет буквально через пять минут.

Зашуршали пакеты, что-то покатилося по доскам пола. Этьен поднялся с кровати и поплёлся в гостиную. Жан-Луи стоял у окна и при виде хозяина квартиры обернулся с лукавой улыбкой.

– Как вы тут? А то Бланш переживала, что, отдав мне свой домик, лишит тебя покоя и сна.

– Всё нормально, – держа правую руку на весу, скупое ответил Этьен. – Ты не совсем вовремя. У тебя проблемы?

– У меня проблемы, – кивнул Жан-Луи, тут же аккуратно подхватывая кисть своего вечного пациента и осматривая её. – Я хотел просить тебя кое о чём как... специалиста. Есть одна пациентка с серьёзными проблемами – нашли этим утром в самом конце пляжа. Была в чём мать родила, тряслась как осиновый листик. Сейчас она у меня в отдельной палате сидит и, надо сказать, я её состоянием озабочен. Она не ест, не говорит, замыкается. Мы даже не знаем, кто она. Но никаких внешних следов насилия. Я подчёркиваю – внешних, потому что её пока не осматривал гинеколог. Уколов боится, от одного только вида артефактов бьётся в истерику. Я её сдержал как мог, чтобы просто сделать инъекцию успокаивающего, но вот думаю, что менталист был бы тут кстати.

Пока доктор говорил – руку Этьена отпускала боль. Жан-Луи аккуратно зафиксировал её лангетой, извлечённой из саквояжа.

– Ты же сообщил о найденной женщине в полицию? – спросил Этьен, подобравшись. – О найденных людях надо сообщать. Тем более, в городе есть пропавшие...

– Верньер обещал прислать человека, – ответил Бонэ, – но я бы всё-таки сначала попросил тебя её осмотреть. Поехали, а?

– Бланш, – позвал Этьен, чуть повысив голос. – Мне надо кое-куда отлучиться!

– О, – она почти сразу появилась в дверях гостиной. – А обед? Мы и так запоздали.

– Перекушу где-нибудь по дороге.

– Или в больнице, у нас там всегда найдётся какая-нибудь диетическая кашка как раз в духе мсье Лемуара, – хохотнул Жан-Луи.

– Но у меня почти готово, – погрустнела Бланш. – Если ты ненадолго, то другое дело. А так – куда мне потом всё это девать? Всё готовое, остаётся только сесть и съесть, неужели не успеете?

Они справились буквально минут за десять, вкратце посвятив Бланш в суть происходящего.

– Ох, – сказала она. – А вдруг это пропавшая жертва?

Глаза у неё загорелись.

– Ещё не знаем, не буду обнадеживать, – ответил Этьен. – Кстати, я выиграл спор. У меня на руках адреса родственников, подававших объявления о пропаже женщин. Хотя... Меня вот очень интересует, почему они доверились газете, а в полицию так и не обратились.

– Или обратились, но случай показался им недостаточно серьёзным. Или в полиции женщин тоже ищут, но без участия ушлых репортёров, – выдвинул свои предположения Жан-Луи.

– А почему ты думаешь, что выиграл спор? У меня тоже добыча, – Бланш метнулась в прихожую, щёлкнула там замочком сумки и почти сразу вернулась. – Погляди! Это адреса пропавших. Они подавали объявления...

– Что ищут себе партнёров, – закончил за неё Этьен. – Вот как. Мы оба выиграли.

– Ничья, – со смехом заключил Бонэ. – А на что вы спорили?

Его тёмные внимательные глаза так и стреляли то в Этьена, то в Бланш. Кажется, доктор откровенно забавлялся, глядя на своих друзей.

– Ты уверен, что в силах сохранить такую тайну? – спросила Бланш.

– Я могу рассказать по дороге, – не поддержал её Этьен. – Хочу посмотреть, что там за пациентка. Бланш, прошу тебя остаться дома.

– Почему? – она тут же оттопырила нижнюю губу, словно капризная девочка.

И Этьена снова пронзила небывалая ревность, потому что он увидел, какими глазами посмотрел на эту губу Жан-Луи. Доктор был влюблён, и тут не требовалось даже искусство мага-менталиста, чтобы почувствовать эту влюблённость.

– Потому что ты устала, – сказал Этьен. – И ещё потому что, пока мы едем, кто-то должен позвонить в полицейский участок.

– Да? И что передать Жаку Верньеру?

– Необязательно звонить именно комиссару, – улыбнулся Этьен, – достаточно спросить дежурного офицера, кто там у них поехал или собирается ехать в больницу. Незвестная может быть одной из тех пропавших женщин.

– А может и не быть, – возразил доктор. – К тому же ты сейчас проведёшь с нею пару минут – и вуаля, женщина перестанет быть неизвестной. Разом вспомнит и имя, и адрес. И на ней нет следов насилия. Так что всё это пустяковое дело...

Но Этьен чувствовал, что никакой это не пустяк.

– В городе пропадают женщины, – сказал он. – Так что поехали, и пусть в участке проявят немного усердия. И, Бланш...

Она взмахнула ресницами. Веки, чуть подведённые темно-синим карандашом и серыми тенями, дрогнули, словно два мотылька-голубянки.

– Что?

– Не забывай, что ты теперь моя компаньонка. Вот телефоны и адреса тех, кто искал пропавших. Если по твоим телефонам никто не ответит – позвони этим людям, родственники они там или знакомые. Обязательно позвони.

– Может, сразу съездить? – спросила Бланш.

– Лучше подожди сначала меня. Решим вместе.

– А вы здорово сработались, – не без оттенка зависти сказал Жан-Луи.

Этьен сдержал раздражение. Это ведь друг. Лучший друг. Всегда приходивший на помощь.

– Уверен, что у тебя в больнице полно готовых сработаться с тобой женщин, – сказал он с натянутой улыбкой.

Новая машина Жана-Луи вновь вызвала в Этьене желание обзавестись собственным транспортом. Он даже спросил доктора, что тот думает о своём авто.

– Устраивает, – пожав плечами, ответил друг. – Слушай, я не менталист, конечно, но что происходит?

– А что? – спросил Этьен.

– Вот это всё, – заявил Жан-Луи. – Ты там, у себя в квартире, почему на меня таким волком смотрел, а?

– Разве?

– А! – воскликнул Жан-Луи, не отрывая взгляда от дороги. – Разве я тебе не друг? Что ты отделиваешься от меня какими-то вопросами?

– Я?

– Ну не я же. Этьен, – доктор Бонэ повернул к Этьену голову, но тут же снова уставился на дорогу. – Если что не так, ты скажи.

– Она сдала тебе свой дом, – начал он, – ты подвёз её сегодня до редакции, ты смотришь на неё, как ребёнок на леденец, ты...

– Я? – поразился Жан-Луи. – Слушай, тебе стоит с нею разобраться. Она твой леденец, дружище, не мой. И я никогда не стал бы её об...

Тут он вдруг прыснул со смеху.

– Всё, я не продолжаю, а то очень уж пошло выходит.

Этьен насупился. Бланш не должна становиться предметом пошлых шуток – даже ещё не высказанных.

– Клянусь тебе, Этьен, – сказал Жан-Луи, – что никогда не встану между нею и тобой. Я не слепой, вижу, что вы, голубки, созданы друг для друга. Дерзайте. Я не буду вам мешать.

– Но она сдала тебе дом.

– А! Дом! Отличный домик у моря! Знал бы ты, как она обрадовалась, что сможет и дальше жить у тебя – ты бы не терзался сейчас так сильно!

– Но она тебе нравится.

– Меня удивляет, что на свете есть мужчины, которым она не нравится, – усмехнулся Бонэ. – Но что ей до них, если она влюблена в тебя?

Это успокоило Этьена. Как и то, что доктор говорил абсолютно искренне.

К тому времени, как машина остановилась у больницы, он полностью успокоился, чтобы сосредоточиться на пациентке.

Сержант Робер ждал у входа, надвинув на глаза кепи с утиным козырьком. При виде доктора и Этьена он выпрямился, откозырял и сообщил, что прибыл по приказу комиссара Верньера.

– И хорошо, что прибыл, – кивнул Этьен.

– Инспектор Лемуар, – отозвался Робер, – попрошу вас потом проехать со мной в участок. У комиссара к вам какое-то дело.

Этьен лишь пожал плечами. Жак мог и позвонить, чем передавать что-то через сержанта.

Пациентке на вид было лет тридцать пять или около того. Коротко подстриженные каштановые волосы она уже успела расчесать – они лежали пышной шапочкой. В светлых глазах читались тревога и страх. И Лемуар без труда понял, что с памятью тут проблемы.

– Кто-то поработал? Маг? – тут же спросил доктор Бонэ.

– Нет, по-видимому, просто шок, – покачал головой Этьен. – Сержант Робер, прошу заносить в протокол мои слова и действия, это может быть важно для следствия.

Он сел на стул напротив кровати, на которой сидела пациентка, одетая в больничную рубашку и полосатый халат. Взял её за руки, прикасаясь к израненной душе так осторожно, как только мог.

– Я сейчас не вмешиваюсь в то, что происходит на ментальном плане этой дамы, – сказал негромко. – Просто исследую.

У него были имена пропавших: Мари Андриен Карпантье и Нина де Вильпен. Однако пациентка не отреагировала ни на одно из них.

– Мадам, – сказал Этьен, предполагая, что перед ним замужняя женщина: на пальце след от кольца, чуть более светлый, чем чуть загорелая кожа руки. – Мадам, я хочу вам помочь вспомнить, кто вы и откуда. Вы мне доверяете?

Женщина кивнула, не глядя ему в глаза.

– Мадам, посмотрите на меня, я вас очень прошу. И вам, и мне так будет легче.

– Это не больно? – спросила пациентка. – Мне почему-то кажется, что я сошла с ума от боли.

И она не лгала. Кто-то причинял ей боль, и что с того, что на теле нет ни одного пореза или синяка? Как будто больно нельзя делать ещё тысячу способов... Даже просто словами.

– Вы не сошли с ума, – терпеливо объяснил Этьен. – Вы пережили шокирующее... ммм... происшествие. Моя задача – помочь вам вспомнить, кто вы и что с вами случилось. Если вы не готовы, я могу прийти позже.

Женщина съёжилась, ссутулилась и, не поднимая глаз, кивнула.

– Мне страшно вспоминать. Но я понимаю, что так надо. Это важно для полиции, да?

– Это важно прежде всего для вас. Если страх будет слишком сильный, я помогу вам победить его.

Он говорил искренне, хоть и не совсем правду. Страх не надо было преодолевать или побеждать. Женщине просто придётся научиться жить с ним, терпеть его. Но Этьен и не лгал: он был готов сделать так, чтобы ей стало легче мириться с тем, что произошло, разделить страх пополам, умерить боль. Это он мог.

Женщина, наконец, повернула к нему бледное лицо с огромными глазами нежно-голубого цвета.

– Я готова, мсье маг. Колдуйте. Давайте заглянем в мою память и узнаем, что это... что это было. Не очень-то приятно сегодня было проснуться в больнице и узнать, что ничего не помнишь, но зато половина города, бывшая на пляже, видела меня голой.

Смелость отчаявшегося – не то же самое, что привычная смелость воина или робкая смелость боязливого человека. Смелость отчаявшегося не имеет границ и условий. Тут не надо ни преодолевать, ни решаться на риск – просто понимаешь, что иначе уже всё равно не получится. И ещё – что нечего терять. А пациентка была уже на грани отчаяния.

– Прошу записать, Робер, – мягко сказал Этьен, – что я приступаю к ментальному контакту. Я делаю это с согласия мадам и клянусь честью, что не нарушу границ.

А сам посмотрел на Бонэ. Тот лишь вздохнул и набрал в шприц лекарство. Он знал, что после серьёзного ментального вмешательства Лемуару самому понадобится помощь. Будет больно – чем больше магии, тем больнее. И предела у боли нет, она может быть сильнее всего на свете, поднимаясь выше гор и затмевая горизонт.

Таково проклятие, последствия которого необратимы. Чтобы помнил – так ему сказали. Этьен был уверен, что запомнил бы свою ошибку и так, но мать убитого решила иначе.

На несколько мгновений жизнь остановилась. Этьен был словно внутри купола вместе с пострадавшей. Мутное стекло пропускало свет, но делало остальной мир зыбким и серым. Но это сейчас ничего не значило. Значение имело лишь состояние пациентки перед ним.

Память была не стёрта магически, как опасался Этьен. Здесь вообще не было магического вмешательства. И боль, о которой говорила женщина, не была нанесена каким-то злоумышленником. Яркие сверкающие осколки, в которые превратились воспоминания пациентки, нехотя собирались воедино. И по мере того, как она вспоминала, красивое лицо менялось. Она заново переживала произошедшее и страдала, и Этьен поневоле страдал вместе с нею. Боль захватывала душу медленно, как чернила заливают бумагу, и становилось всё хуже. Каждый сустав и каждую кость начало выкручивать, в мышцы впивались тысячи игл.

Это была худшая боль для мадам: она пережила подлое предательство от мужа и его матери. Они добились того, что женщину признали умалишённой, заперли на втором этаже дома, отняли детей. Но судьбе показалось, что этого мало: два дня назад свекровь отправилась с детьми кататься на лодке, и все трое оказались в воде. Немолодая женщина спаслась сама и вытащила младшего ребёнка, а старший погиб.

Вот почему пациентка оказалась обнажённой! Раз за разом входила она в воду и плыла до изнеможения, стараясь отыскать тело. И, к сожалению, разум её действительно был не в порядке ещё до трагического события. Так что, не исключено, что свекровь и муж не были так уж коварны.

А сейчас вокруг неё было только море. Вода, казавшаяся сначала тёплой, становилась всё холоднее, ноги и руки устали сопротивляться её ненавязчивой упругости. Если бы пациентка не попала в волну, идущую к берегу, которая и вытолкнула её – то неминуемо погибла бы.

И сейчас эта боль отступала от женщины, это помутнение рассудка возвращалось в свои болотистые берега, этот страх обретал очертания.

– Прошу записать, сержант, – выплывая вместе с женщиной на поверхность реальности и жадно хватая воздух сухими губами, сказал Этьен. – Прошу записать. Пациентка Эмма де Бриен, тридцать семь лет. Среди пропавших, полагаю, не числится. Ушла из дома меньше суток назад, искала утонувшего сына.

– Да, да, – сонно пробормотала Эмма и сомкнула веки.

Уснула почти моментально. Но и во сне переживала свою боль, теперь уже в одиночестве. С этим не так-то просто справиться сразу – бедняжке предстояло долгое лечение в психиатрическом отделении.

Сержант, записывая, кривил губы. Этьен уловил его эмоции – острое сочувствие и сожаление. По выражению глаз Робера и этим чувствам понял: она не нашла мальчика, потому что нашли другие. Тело уже находится в полиции. И кто-то должен опознать его. Что ж, пусть этим займутся свекровь и муж пострадавшей.

– Мадам де Бриен лучше побыть пока в больнице, – сказал Этьен сержанту Роберу.

Жан-Луи уже наступал на Ленуара со шприцем наперевес.

– У меня ощущение, что тебе тоже лучше пока тут побыть, – сообщил он сухо.

– Коли уже, – вздохнул Этьен. – И я пойду. Две женщины исчезли, и мы с Бланш надеемся напасть на след, понимаешь?

Сержант Робер слегка кашлянул.

– Что? – повернулся к нему Ленуар.

Именно в этот момент Жан-Луи стремительно задрал другу рукав, чтобы сделать укол в руку. От плеча и до локтя всё почти сразу онемело – а затем боль начала отступать. Она сдавала позиции куда медленнее, чем говорил Робер. А тот не спешил.

– Сегодня утром к нам обратилась, наконец, родственница одной из пропавших.

– Первой или второй? – уточнил Этьен.

– Второй, которую зовут Нина де Вильпен.

– И что же?

– Она утверждает, что была у гадалки и та утверждает, что Нина жива. И что дом, в котором её содержат, лучше виден с воды, чем с суши, что бы это ни значило.

– Вы же не верите гадалкам? – спросил Жан-Луи.

Робер пожал плечами.

– Насчёт второй женщины никто не спрашивал? – уточнил Этьен.

– Нет, инспектор Ленуар. Но если вы считаете, что дела связаны и если у вас уже что-то есть, вы должны честь по чести доложить всё комиссару.

– Конечно, – рассеянно сказал Этьен.

– Домик у моря, – пробормотала во сне пациентка. – Домик у моря. Лодка плывёт мимо домика у моря...

И, распахнув тёмные, сумасшедшие глаза, вдруг сказала:

– Я там была. Я видела. Он всё время смотрел в бинокль. Я звала на помощь, но он только смотрел, и ничего больше.

– Вы звали... с воды? – спросил Этьен.

Эмма села на кровати, подобрав под себя ноги. Длинная рубашка некрасиво задралась, но пациентка не обращала на это внимания.

– Я звала, пока не потеряла сознание. Он смотрел. Потом я уже... не видела.

– Значит, мы должны начинать с моря, – сказал Этьен. – Жан-Луи, на каком пляже нашли мадам де Бриен?

– «Долгий берег», – ответил доктор Бонэ.

– В бинокль мог смотреть кто угодно, – возразил Робер. – Тут полно маленьких домиков, и знаете, что? Они почти все у моря! Неужели придётся прочесать их все?

– Ну надо же с чего-то начать, – сказал Этьен.

– Уже вечер, – сообщил Бонэ. – Так что предлагаю следующее: Робер едет в участок докладывать Верньеру о результатах, а я везу инспектора Ленуара домой. Встретимся завтра у Жака в кабинете.

На том и порешили.

Перед уходом из больницы Этьен аккуратно погрузил пострадавшую в целительный сон. Его самого шатало от усталости и пережитой боли, но ей было стократ хуже. Его боль была лишь тенью того, что испытала Эмма, зыбким отражением в кривом зеркале.

– Если хотите, я ещё вернусь к вам, мадам, – предложил он.

– Не стоит, – ответила она, засыпая. – Иначе вас не хватит для тех, кому вы ещё нужны. Спасибо, доктор Ленуар. Спасибо.

(продолжение следует)

ЧАСТЬ 2. Эпизод 2. Жертва по объявлению

ГЛАВА 1. Бланш

В жизни каждой женщины наступает такой момент, когда она идёт в парикмахерскую. Ну, почти каждой! Момент обычно наступает раз в месяц, но бывает и реже, и чаще. Главное другое: главное, зачем женщина вообще туда идёт.

Вариантов масса! Преобразиться, чтобы все ахнули и обзавидовались, или чтобы бывший пожалел, что ушёл к этой мымре, у которой волосы будто сосульки, или же поменять имидж ради работы и вообще новой жизни... Просто подстричься и подкраситься, чтобы не противно в зеркало смотреться и сказать себе: «Элен, да ты ещё ничего на самом деле!» А вечерние причёски, по моде украшенные крошечными сверкающими фальшивыми бриллиантами? А кардинальная смена цвета волос, показывающая, что отныне ты – вышедшая на охоту пантера, только что расставш... о нет, только что бросившая недостойного её ягуара, оказавшегося на поверку драным бродячим котом? А прекрасная стрижка «шапочкой», о которой ты так долго мечтала, не в силах вырваться от быта, грудного ребёнка, пелёнок и кастрюлек?

В общем, в жизни женщин бывает немало моментов, когда они идут именно в парикмахерскую, и это совершенно логично и правильно. Особенно если там делают ещё и маникюр!

Бланш, например, пришла в салон на углу улиц Жан-Жака Фонтеню и Лестничной якобы подровнять причёску, а на самом деле – за сплетнями. Она отлично знала, как многие мастера и мастерицы обожают поболтать на рабочем месте!

– А я, кажется, вас знаю, – застёгивая на шее Бланш просторную накидку, сказала крашеная блондинка с заметно отросшими корнями тёмных волос.

Ну да, сапожник без сапог!

– О, неужели? – прощепетала Бланш.

– Вы работали в салоне красоты на Сиреневой улице, – сказала девушка.

– Я уже третий месяц как там не работаю, – сообщила Бланш, – и даже стричься туда не хожу. И ногти там не делаю, хотя Люси – отличная маникюрша.

– И почему же?

– Потому что они называли меня некрасивой, – капризно оттопырила губу Бланш. – Скажи, что администратор – лицо салона, и это лицо должно быть юным и прекрасным.

– Надо же, по-моему, вы и так хороши, – дежурно сказала девушка, щёлкая ножницами.
– Хотите к нам? У нас как раз освободилось место.

– Мастера, стилиста или уборщицы? – спросила Бланш. – Нет уж, благодарю покорно.

Она уже точно знала, что одна из пропавших, Нина де Вильпен, работала здесь администратором. И нарочно выбрала этот салон, чтобы кое-что разузнать, пока Этьен Ленуар и Жак Верньер искали информацию проверенными способами.

– У нас свободно место администратора, – сказала девушка, поправляя волосы Бланш.
– Хотите немного освежить цвет волос?

– Хочу, – согласилась та, понимая, что это отличный повод задержаться в салоне подольше. – А ваш хозяин не скажет, что я недостаточно молодо выгляжу?

– О нет, – засмеялась парикмахерша. – Он считает, что за стойкой должна находиться опытная, умная дама старше тридцати. У нас и была такая, вашего примерно возраста – тридцать пять или тридцать шесть ей было, не уверена точно.

– Вот как, – сказала Бланш, весьма польщённая тем, что ей приписали на пять лет меньше. – А что же с нею случилось? Неужели вышла замуж? Я, видите ли, в разводе, и тоже не прочь найти себе тут муженька. Это не мешает работе, увольняться по таким пустякам я не собираюсь!

– Нина пропала, – сказала девушка уже не таким беспечным тоном. – И как раз вскоре после того, как нашла себе жениха. Только не у нас в салоне – тут, знаете ли, мужчины по большей части женатые. У нас такой район, сплошь все с обручальными кольцами и либо ждут своих супругов, либо подстригаются, потому что «Жанна сказала, что у меня виски отросли до неприличия!»

Она довольно похоже передразнила какого-то гипотетического мужчину. Зная, что они именно с такими заявлениями и приходят к мастерам, Бланш засмеялась. Ей было на руку, что девушка приняла её за своего человека, с которым можно не церемониться и даже обсуждать клиентов!

– Получается, Нина нашла себе пару... – Бланш сделала паузу, приглашающую собеседницу продолжить фразу.

– По объявлению! В ежедневной газете! Можете представить себе такое чудо?

– Не могу, – искренне ответила Бланш, которая только позавчера побывала в этой самой газете.

Коротенькие, да ещё сокращённые объявления с мутными крошечными фото никак не вызвали доверия. Кто мог польститься на чёрный силуэт мужчины с провалами вместо глаз или испещрённую непонятными чёрточками женщину со смутными очертаниями причёски в форме супницы?!

– Так вот! Нина целых два дня – до своего выходного – хвасталась нам, какого прекрасного принца оторвала себе в разделе объявлений о знакомстве. Судя по всему, она получила от него ответ по почте: у Нины не было в квартире телефона. Он, видимо, хорошо умел писать письма, потому что бедняжка сказала, что строки, которые она прочла, навсегда останутся в её сердце.

– А после знакомства? – любопытствовала Бланш. – Она пропала сразу после свидания или как?

– Ну нет, свидание вполне удалось, – девушка поставила возле Бланш фарфоровую плошку с краской для волос. – Только кавалер оказался немножко старше, чем Нина представляла. Она сказала, что ему не меньше пятидесяти пяти, а то и больше. Но что возраст! Мужчина-то ей понравился! Нина говорила, что он всё ещё красив, а уж какой обходительный и романтичный... Говорил, что без ума от её рыжих волос. Рассказывал, что у него была жена и очаровательные дочки, все трое рыжие-рыжие, и он поселил их в домике на берегу.

Бланш нетерпеливо дёрнулась в кресле. Бряк! Плошка с краской упала на пол.

– Ох, простите, я поставила на край, – расстроилась парикмахерша.

Но Бланш уже выпуталась из накидки и достала кошелёк.

– Спасибо. Видимо, не судьба мне освежить цвет, – сказала она. – Скажите, а ещё что-то Нина рассказывала про этого кавалера?

– Вы его жена, что ли? – хмуро оглядела клиентку девушка. – Вон как вскинулись, когда я про неё сказала. Хотя волосы у вас от природы уж точно не рыжие.

– Нет, не жена, – через силу улыбнулась Бланш. – Скажите, Нина не называла имени этого мужчины?

– Не припоминаю, хотя... – сказала парикмахерша, но проводила заинтересованным взглядом кошелёк клиентки, который та вытащила из сумки.

Она собрала осколки и теперь затирала пятна краски, пока они не схватились на светлом полу.

– По-моему, она сказала что-то вроде «Поль такой несчастный». Понимаете, жену и дочерей он потерял.

– Умерли? – ахнула Бланш.

– Ну что вы! Просто бросили его. Знаете, я не думаю, что стоит строить отношения в таком возрасте, да ещё с двумя детьми, да ещё с брошенной женой.

– Действительно, – пробормотала Бланш. – Спасибо вам.

И прибавила ещё немного денег: за краску и на чай.

В доме Ленуара было прохладно и слегка пахло табачным дымом.

– Судя по запаху, заходили Серж и Робер, – безошибочно определила Бланш.

– Верньер тоже курит, – попытался сбить её с курса Этьен, однако это было не так-то просто!

– Жак, во-первых, ни за что не станет курить в твоей гостиной, зная, что это мне не нравится, – сказала она, – а во-вторых, он курит редко и только свою трубку. А здесь пахнет недорогими сигаретами, которые сержанты всегда выбирают одни и те же, чтобы стрелять их друг у друга!

– Ну и нюх у тебя, – похвалил Этьен. – Но ты ни за что не скажешь, что они узнали.

– Они не узнали ничего нового, кроме того, что по линии от пляжа до порта штук тридцать домиков, которые не видны с дороги, но заметны с моря, – сказала Бланш. – А ты успел съездить к одному из родственников пропавших женщин, а потом у тебя заболели ноги.

– Ничего себе, Бланш! Ты делаешь успехи!

– Не хочу скромничать, – махнула рукой Бланш. – Есть что-нибудь холодное выпить?

– Софи сделала лимонад, но он слишком кислый.

– Это же прекрасно, – она тут же сунулась в холодильник, вытащила оттуда большой кувшин и налила себе полный высокий стакан божественного напитка.

Лимона и мяты Софи никогда не жалела, а Бланш добавила ещё и колотого льда.

– Так как ты смогла догадаться, о чём докладывали сержанты? – спросил Этьен, встав в дверном проёме кухни.

Бланш прищурилась на свет через льдистый жёлтовато-зелёный напиток. Не спеша сделала пару глотков – ну как же прекрасно после жары выпить кислого лимонада! И только потом снизошла до пояснений:

– В гостиной на журнальном столике я увидела список. Почти весь лист мелко исписан в столбик. Там строк двадцать пять-тридцать, уж это-то я могу определить на глаз после того, как мой сын сдал кучу тестов и заданий. И я видела цифры: это номера домов. Кроме бумаги и карандаша, на столе был ролик-гале. И ты потирал колени.

– Но откуда ты узнала, что я был у родни пропавших?..

– Я не знала, – сказала Бланш, – но кто-то научил меня уловке, и она только что сработала: ты сам только что подтвердил, что был там.

Этьен сделал жест, словно хлопает себя по лбу – на самом деле едва коснулся! – и засмеялся.

– Ты не устаёшь меня поражать, – признался он.

– А ты меня, – со вздохом ответила Бланш. – Но всё ещё есть вопросы.

Он слегка нахмурился.

– Говори.

– Я слишком боюсь ранить тебя, – честно сказала Бланш. – Знаешь... давай сначала закончим это дело с пропавшими. Чтобы ничто не отвлекало нас от...

Она хотела сказать «важного». Но разве найти женщин было менее важно? И закончила иначе:

– От нас.

– Но у меня есть желание, – напомнил Этьен, – которое ты мне проспорила.

– Так оно и у меня есть, – усмехнулась Бланш. – А как известно, дамы вперёд!

– Но это ведь желание, а не дверь! – принял условия игры Этьен. – А желания мужчин важнее, чем какие-то там женские хотелки!

– Ах вот как, – тут же выпустила коготки Бланш. – У меня, значит, всего лишь хотелки, а у тебя целое важное мужское желание? Не пойдёт, напарничек! Уступать женщине – одно из правил хорошего тона!

– Ну какой у меня может быть хороший тон? Я старый холостяк, плевавший на этикет со второго этажа своей квартиры!

– О, вот как! А давай, кто вперёд поднимется по лестнице и плюнет со второго этажа, тот и говорит своё желание первым? У кого ноги быстрее, тот и прав!

– Не согласен! Кто бедненький больной, у того и право загадывать желание вперёд другого! А я очень, очень бедненький и весьма больной! Ты только погляди, какие ушибы!

– Нет, только не снимай штаны, – со смехом сказала Бланш. – Ты выиграл, я уступаю первенство тебе, но ты должен знать, что я пожелала ночное романтическое свидание на набережной!

– Ах ты хитрющая кошка! – возмутился Этьен. – Ну так вот тебе моё желание: я хочу, чтобы ты делала мне массаж!

– У тебя было другое желание, – перестав смеяться, ответила она. – Почему ты сказал это?

Он пожал плечами (и тут же поморщился, когда правое плечо слегка хрустнуло):

– Потому что другое уже само собой исполнилось. Ты случайно или намеренно создала между нами какую-то стену. А теперь её нет.

– Кхм... Мне нравится твоя честность, но иногда лучше не говорить настолько прямо, Этьен, – Бланш поняла, что смутилась, даже покраснела: в конце концов, эта стена была действительно создана нарочно. – Что ж массаж так массаж. Только чуть позже, потому что...

– А ты что же, умеешь? – удивился Этьен. – Вообще-то я думал, что ты не...

– У Пьера-Антуана в младенчестве были проблемы со спиной и ножками, а денег у нас с мужем было не то чтобы много, и я научилась делать массаж сама. Массажистка приходила два-три раза, и я подсмотрела, а потом уже научилась. У меня ещё была книга – может быть, я её найду. Или попрошу Жана-Луи что-нибудь подсказать...

Она поймала себя на мысли, что говорит слишком много и торопливо. Её смутило предложение Этьена. Массаж! У мужчины были слишком хрупкие кости и слабые суставы, чтобы тренироваться в достаточной мере. Но мышцам требовалось хотя бы слегка поддерживать этот изувеченный скелет. Плавание в бассейне два-три раза в неделю сделало Лёнуара чуть сильнее, однако потребность в массаже не отпала!

А медсёстры по-прежнему не устраивали его! У них не было потрясающего такта бывшей сиделки Этьена, мадам Анри, которая умудрялась отключать все эмоции во время сеансов, чтобы не тревожить менталиста. Щемящая жалость, словно к больному котёнку, брезгливость, равнодушие – всё передавалось ему через прикосновения.

Вот только Бланш никак не могла похвастаться полным отключением эмоций. В последние недели, научившись ставить ментальный щит, она страшно от него устала. Не-маг может закрыться от мага только ценой огромных усилий и самоконтроля. Мадам Паради же были чужды такие вещи, как самоконтроль и дисциплина! Но эмоции медсестёр Этьену были не слишком приятны, а Бланш – другое дело. Так что пускай убирает все свои блоки и даст эмоциям выход, Ленуару это будет не страшно и даже приятно.

– А теперь вернёмся к делу, – сказал Этьен. – Бланш? Где ты витаешь?

– Да замечталась вот, – призналась она. – Вернёмся к делу! К кому ты ходил?

– Я был у сестры Мари Андриен Карпантье, – сказал он.

– Какое сложное имя, – вздохнула Бланш.

– Сестра намного старше, чем Мари Андриен, ей уже почти пятьдесят лет. Пропавшей же было тридцать шесть.

– Она рыжая? – рассеянно спросила Бланш.

– Кто?

– Сестра.

– Да, – сказал Этьен. – Она показывала альбом с фото Мари Андриен. Приятная женщина, только...

– Нина де Вильпен тоже рыжая, – сказала Бланш. – Ты заметил, что я только что от парикмахера? Мне, кстати, пришлось заплатить за испорченную краску и дать на чай. Так что, кажется, ты прав кое в чем – деньги решают если не всё, то многое. Без денег меня бы просто выгнали, а так я кое-что узнала.

– Цвет волос так важен? – спросил Этьен.

– После не слишком приятных встреч с Роже я интересовалась маньяками, кое-что читала, – сказала Бланш. – И мне кажется, что мы имеем дело с маньяком.

Ленуар задумчиво прищурился.

– Может, тебе и не кажется, – сказал он. – В конце концов, две пропавшие женщины во многом схожи. Они одинокие, за тридцать, в поиске пары...

– И рыжеволосые, – ревностно добавила Бланш.

– Да, и рыжеволосые! И портрет похитителя складывается не самый милый. Мужчина цинично пользуется тем, что женщины страдают от одиночества и...

– Ищет их почему-то только по объявлениям, – живо добавила Бланш и схватила Этьена за руку – только в самый последний момент вспомнив, что пальцы ни в коем случае нельзя сжимать, а потому едва коснулась его.

Но он радостно встрепенулся.

– Да! Мадам Карпантье, тоже ведь подтвердила, что её сестра искала себе пару через газету, причём уже не в первый раз, а до того знакомилась с мужчинами на выставках, в круизах и кафе. И с этим, из газеты, собиралась на встречу. А затем пропала. В отличие от родни Нины де Вильпен, мадам Карпантье довольно долго за сестру не беспокоилась. То ли отношения у них были натянутые, то ли думала, что та нагуляется и вернётся.

– Но теперь-то, когда Нину ищут уже официально, через полицию, к Карпантье тоже кто-то должен был прийти? – спросила Бланш.

– Серж и Робер её навещали, – кивнул Этьен. – Но со мной мадам Карпантье оказалась более откровенна. Боюсь, полицейские сейчас не слишком довольны тем, что им приходится прочёсывать побережье. Морская полиция с моря, а сухопутная...

– Ну понятно, – Бланш кивнула. – Кому понравится, что тебя заставили искать какой-то домик у моря по указанию какой-то ясновидящей.

– Я не слишком доверяю таким предсказателям, однако среди них есть толковые маги, – повёл плечами Этьен. – И, боюсь, то, что мы сумели найти, нам и полиции пока не слишком поможет.

– Зато я знаю, что поможет, – ничуть не смутилась Бланш. – Но мне надо позвонить и поговорить с одной очень милой дамой. А потом дать объявление в газете.

– Ты так горишь энтузиазмом, что мне страшно. На всякий случай учти, что Верньер вряд ли одобрит ловлю на живца, если живец – не из полиции.

– О, для начала мы можем попросить Робера, – засмеялась Бланш. – Что тут сложного? Наложить на него немножко чар, заставить надеть платье и вперёд.

Этьен посмотрел на Бланш так пристально, что ей сделалось не по себе.

– Ты слишком легко согласилась уступить роль приманки, – сказал он.

– Мне не особо улыбается быть приманкой. Это довольно жутко!

– Так на что же ты собираешься направить свою неуёмную энергию? – спросил Этьен. – Зачем ты будешь звонить своей... милой даме?

– Надо подать объявление! А вот это мне хочется сделать самой.

– Только не в «Утренний Сен-Фило»! Нас теперь там не очень-то любят и ждут!

– Именно туда! Ведь наш-то маньяк уже дважды клевал на объявления именно оттуда! Но на всякий случай надо продублировать объявление ещё в паре газет, причём сделать так, чтобы оно везде вышло в один день. И вот для этого пригодятся мои связи с Манукой и Густавом!

– Что ж. Тогда звони!

– Тебе придётся немного потерпеть наш разговор, – со смехом предупредила Бланш. – В прошлый раз от избытка сахара тебе чуть не стало дурно!

ГЛАВА 2. Этьен

Ох уж эта Манука Афри! Но Этьен решил, что отныне и всегда будет встречать любые проблемы стойко и лицом к лицу. Даже такие... страшные своей сиропной липкостью. Влипнешь, как муха, и пиши пропало!

Из сладкого щебета, обильно пересыпанного цветным драже обращений: «ах, я твоя зефирочка! Ах, ты моя шоколадочка! Густав такой сахарок! А ты такая конфеточка!» он уловил кое-что важное. Густав Шнайдер, один из важных людей в «Утреннем Се-Фило», готов был отдать всё, что угодно ради воссоединения с «шоколадочкой». А «шоколадочка», очевидно, огорчалась размолвке, но навстречу идти не хотела. Бланш взяла на себя роль свахи, которая ворковала и миленько вскрикивала, и мелко хохотала, но при этом неумолимо продвигала Мануку строго по курсу.

– Умирает он по тебе, представляешь, моя шоколадка? – проворковала Бланш.

А потом ещё и мило рассмеялась.

Что-то такое ей там ответили, что Этьен не выдержал и встал к ней вплотную, чтобы слышать ещё и Мануку Афри. И уловил обрывок фразы: «поумирает ещё немножко».

– Если он ещё немножко поумирает, я не выдержу, он такой сладкий, – приторно заныла Бланш. – Я возьму его к себе, белого котёночка, пригрею на своей груди.

– Эй, не вздумай, моя конфетка, – возмутилась Манука. – Что у тебя в нём за интерес? У тебя есть два интересных мужчины, чего тебе ещё?

Два мужчины? Этьен чуть шевельнулся, и Бланш вдруг взяла его за руку. Да так нежно... Всё-таки красивые женщины – опасные существа. Им достаточно только взгляда или прикосновения, чтобы покорить, приручить и заставить валяться у ног.

– У меня очень даже серьёзный интерес, – заявила Бланш, вдруг перестав сюсюкать. – Слушай, я теперь занимаюсь не только журналистикой, но и психологией. И мне нужно провести один опыт.

– Но не на моём же парне, зефирочка! – вскричала Манука так, что Этьен даже отшатнулся от трубки.

– Вот поэтому поторопись и возьми его под своё тёплое крылышко, шоколадочка ты моя, – сказала Бланш размеренно и даже холодно.

Но мадемуазель Афри слышала только слова – к эмоциям и интонациям она, кажется, была несколько глуховата.

– Мне нужны твои и его профессиональные навыки и связи, конфетка, – сказала Бланш чуть мягче. – Густав весь твой.

– Ну ладно, – Манука немного успокоилась и тут же перешла на более деловой тон. – Так что там у тебя с психологическим опытом?

– О, это такой интересный опыт, я потом всё расскажу при встрече, а сейчас мне не хочется утомлять твои милые ушки, – Бланш, напротив, защебетала птичкой. – Для этого опыта мне надо, чтобы моё объявление вышло в газетах в один и тот же день. Похлопочешь?

– Ооо, – протянула Манука. – Это интересная задача. Но только если не прямо завтра.

– Послезавтра, – сказала Бланш страстно. – Послезавтра, а завтра я тебе устрою встречу и примирение с Густавом.

– А он преподнесёт мне машину?

– Машину выиграл вовсе не он, а его редакция. Почему ты злишься на сахарного мальчика? – спросила Бланш.

– Ну потому что он вытянул билет, – вздохнула Манука. – И я рассердилась. Эта машина должна была достаться нам.

– Да ладно тебе. Ежедневник на кристаллах разорится, – сказала Бланш, – и вы выкупите себе всю редакцию вместе с машиной.

Через минуту, обсудив пару деталей, милые дамы закончили беседу, и Бланш повесила трубку.

– А о какой машине речь? – спросил Этьен.

– О, интересный аппарат! Он не только запоминает и записывает речь, он ещё и печатает. Итак, скоро Робер или любой другой сотрудник полиции может перевоплощаться в рыжую дамочку и идти на встречу. Послезавтра объявление уйдёт в печать в четырёх газетах и одном журнале.

– Отлично, – кивнул Этьен. – До сих пор не верится, что ты не хочешь сама примерить рыжий парик.

– Разве что на тебя, – Бланш смерила его долгим и внимательным взглядом.

На следующий день было так много хлопот, что под вечер Этьен еле приполз домой. Но он был страшно доволен собой. Тем не менее у него опять болели ноги и спина: пришлось немного пройтись, постоять и снова пройтись, пока менеджер показывал ему новые авто.

Повариха Софи поставила перед Этьеном тарелку с какой-то крайне унылой едой и спросила:

– А где это носит вашу подружку, мсье Лемуар? Сегодня не видела её. Порхает по мужчинам?

– Вы о Бланш? Она моя компаньонка, мадам, я попрошу говорить о ней уважительно.

Софи налила Этьену немного вина и отвернулась. Этьен почувствовал её осуждение и неприязнь к Бланш, такие сильные, что у него начало покалывать кончики пальцев.

– Если бы ей было дело до вас, мсье Лемуар, то она бы уж или вышла за вас замуж, или не совалась во все ваши дела. А так... Порхает. Бабочка, а не женщина.

Но разговор быстро прекратился: пришла Бланш.

– Новые туфли просто прелесть, – сообщила она ещё из холла. – Я весь день в них, и только немного мизинцы болят. Ну и чуть натёрла щиколотки сзади, но это пустяки! Зато как они смотрятся! Софи, что у нас на ужин?

– Камбала и овощное пюре, – сухо сообщила повариха.

– Сойдёт, – откликнулась Бланш. – Умираю с голоду!

– От неё пахнет мужским одеколоном, – шепнула Софи. – Не вашим.

– Я знаю, – тоже шёпотом ответил Этьен. – Но вам-то какое дело?

– Что вы там шепчете? Этьен, у меня хорошие новости, много хороших новостей. Софи, вы можете идти, я помою посуду сама!

Бланш пронеслась мимо столовой, даже не заглянув в неё. Лёгкие шаги женщины простучали вверх по лестнице, потом обратно. Ну вот, наконец-то пришла! В лёгком летнем платье – в проёме двери, пронизанная солнцем, которое высвечивала соблазнительный силуэт сквозь тонкую ткань...

Затем Бланш села напротив Этьена. Дождавшись, пока Софи с сердитым пыхтением снимет фартук, переобуется и щёлкнет дверным замком с той стороны, он спросил:

– Как прошёл день?

– Ужасно устали ноги, – поведала она, уплетая овощное пюре. – О мой бог, это всегда было так вкусно или я просто помешалась от голода?

– Это самая обычная диетическая еда от Софи, – улыбнулся Этьен. – Бланш, ты же купила себе удобные спортивные туфли, почему снова бегала целый день на каблуках?

– Тебе не понять, ты бы сразу на них убится, – отмахнулась женщина. – Так, с объявлениями всё улажено, Манука и Густав хотят позвать меня на свадьбу, а ещё я купила два рыжих парика...

– А я был с Верньером в доме Нины де Вильпен, и...

– А ещё получила телеграмму – мне Жан-Луи передал, мы встречались! – что Пьер-Антуан задерживается, придет через неделю. Представь! Я его тут жду, а он задерживается.

– А зачем встречались с Жаном-Луи? – решил уточнить Этьен.

– Перебирали кандидатуры магов-визуалистов, – сказала Бланш. – На самом деле у нас их всего два, но один – сущий жулик! Я к нему уже обращалась, когда хотела остаться в салоне. Помнишь, я рассказывала...

– А второй?

– Вторая, – поправила Бланш. – Со второй всё хорошо.

– Тогда зачем парики? – спросил Этьен.

– Тут такое дело, – азартно заговорила она, – визуализатор может хорошо поработать либо с лицом, либо с телом, либо с волосами. На всё просто не хватит сил, даже с минералом. И она может ещё навесить артефакт для закрепления эффекта и чтобы те, у кого есть немножко магических способностей, не мог заметить иллюзию... В общем, полицейскому придётся выбрать – и знаешь, я бы на его месте выбрала именно лицо! Даже у Сержа, хоть он такой нежный мальчик, лицо слишком мужественное.

– Так, – кивнул Этьен. – А я...

– Какая вкусная рыба, да?

– Уже почти остыла, так что я вряд ли смогу её доесть.

– Твои капризы хуже, чем у моего Пьера-Антуана в его пять лет, – засмеялась Бланш. – Ты видел возле дома новую машину? Как думаешь, соседи себе такую купили или кто-то к ним приехал?

– Это моя машина. Осталось найти водителя.

– Твоя? Вот здорово! – обрадовалась Бланш. – А ты не умеешь водить?

– Умел когда-то, но теперь не могу. Послушай. Я хочу сказать, что нет смысла ждать, пока на объявления ответят. В доме Нины при обыске нашли записную книжку. Погляди.

Бланш подошла, не преминув потереться о него бочком. Ну зачем она всё время его провоцирует? Это становилось невыносимым: куда хуже, чем когда она пыталась держать дистанцию под нелепым предлогом «я не сплю с работодателями».

Одна из страничек записной книжки сильно выделялась. Тут было всего два номера, обозначенные вместо имён инициалами и сердечками. Один номер вычеркнут, второй дважды обведён красным карандашом. Бланш задумчиво хмыкнула.

– Это просто телефонные номера. Мы даже не знаем, как давно они записаны, – сказала она.

– Нет, это новые телефонные номера, аппараты начали менять по городу только этой весной, – покачал головой Этьен. – Верньер уже взял номера в обработку, так что на живца ловить не придётся.

– Нууу, – обиженно выпятив губу, протянула Бланш. – А как же парики?

– Придётся вернуть их в салон, где купила.

– Они невозвратные!

– Но полиция уже наверняка проверяет адреса...

Бланш заметно огорчилась, но быстро воспряла духом:

– Ещё не факт, что там кого-то найдут. А если найдут – то не факт, что именно преступника. Объявления ещё могут понадобиться.

Этьен так не считал. Но на всякий случай поспешил согласиться с Бланш.

– А теперь, – сказала она, убрав посуду, – идём посмотреть твою новую машину.

– А ты понимаешь в машинах? – спросил Этьен.

– У нас даже была маленькая «бриза», такая миленькая, цвета беж. Но когда Пьер-Антуан сдавал экзамены в Монпансьеле, я её продала, – выдала Бланш. – Нам тогда туговато пришлось, понимаешь?

Он лишь пожал плечами.

– Но это значит, что ты умеешь водить? – спросил на всякий случай. – И мне не надо нанимать водителя, чтобы...

– Тебе не понравится, как я вожу, – предупредила Бланш. – Во всяком случае, все водители вокруг меня всегда ругали, проклинали и называли «обезьяной за рулём». Жутко обидно, потому что на самом деле я вожу очень аккуратно!

Она говорила так искренне, а главное, ничуть не закрывалась, как в самом начале их знакомства! За последний месяц Этьен устал от того, что Бланш стала более замкнутой и теперь не мог на это нарадоваться.

Но ещё больше он сейчас был рад, что расследование завершается. Не сегодня-завтра преступника найдут. А вот живы ли женщины... Этого, к сожалению, Этьен пока не знал.

По крайней мере, новых жертв от рук этого маньяка уже не будет.

Верно ведь?

ГЛАВА 3. Бланш

Это довольно-таки обидно, когда стараешься, что-то готовишь, а уже и не надо! Комиссар полиции Жак Верньер позвонил с самого утра, ещё семи не было. И сонная Бланш, прошлёпав к телефонному аппарату в гостиной, услышала его бодрый и довольный голос:

– Ну что, доморощенные детективы! Мы его взяли и обставили вас!

– А мы что, соревнуемся? – уточнила Бланш, едва дыша от обиды, чтоб не разреваться.

Такая была придумка! Такое обещалось захватывающее приключение! Причем совместно с полицией, вот ведь какие дела...

– Я так и знал, мадам Паради, что ты будешь дуться, – рассмеялся глухой к её эмоциям, гадкий комиссар Верньер. – Но зато мы его взяли!

– Одного из тех двоих, что были в записной книжке? Он живёт в домике, который виден с моря?

– Он живёт на улице капитана Ричарда Сэнда, это в общем-то недалеко от берега. Вряд ли предсказание какой-то там гадалки стоило брать в расчёт.

– И в преступлении признался?

– Что за допрос, мадам Паради! – засмеялся Жак. – Ты просто завидуешь? Лучше бы радовалась, что убийца пойман! Это он отвечал на объявления, встречался с обеими жертвами, давал им номер телефона. Так что нам осталось только расколоть его и узнать, куда он спрятал тела.

– Тела! – с глухим отчаянием повторила Бланш.

В общем, обида быстро сменилась унынием. Всё-таки втайне она надеялась, что они с Этьеном не только изловят маньяка на живца, но и найдут женщин живыми. Это было бы так хорошо! Но теперь, когда Верньер заговорил про тела, Бланш почему-то стало страшно.

Весь день она неприкаянно слонялась туда-сюда, пока не позвонил Жан-Луи.

– Ты не можешь приехать? – спросил он каким-то чрезмерно напряжённым тоном.

– Могу, – осторожно ответила Бланш. – Что-то случилось?

– Меня тут выгоняют, – сказал Жан-Луи и вдруг пропал.

В трубке послышалась какая-то возня, и Бланш едва не выскочила из дома в домашнем платье и тапочках: вдруг их с Этьеном другу грозит опасность? Но затем услышала голос.

– Извини, Бланш, но ты вроде бы писала Пьеру-Антуану, что ты его ждёшь.

Бывший муж. Совершенно непонятно, что его принесло в Сен-Фило. Неужели соскучился? За прошедшие пару месяцев он прислал ей телеграмму, а она ответила – и только-то. Ну и, может, в письме сыну передала привет, раз уж Бастиан Паради решил, что Пьер-Антуан может жить у него.

– Здравствуй, Бастиан, – вздохнула Бланш. – Ты меня напугал. Зачем ты выгоняешь моего постояльца?

– Ты сказала сыну, что наш дом свободен!

– А потом мой друг попросил его приютить, – попыталась объяснить она. – Я подумала, что дом достаточно большой, чтобы Жан-Луи мог... Разве Пьер-Антуан возражает?

– Пьер-Антуан приедет через несколько дней, – сказал Бастиан. – Я решил, что смогу отдохнуть от работы в нашем доме.

Он снова сделал ударение на слове «наш». Конечно, дом был куплен совместно Бланш и Бастианом, однако последние несколько взносов она платила одна. И после развода Бастиан подписал бумагу, что дом принадлежит ей, бывшей жене, а она точно также подписала отказ от квартиры в Монпансьеле.

– Бастиан, – собравшись, резко сказала Бланш, – если бы ты предупредил, я бы что-то придумала. В крайнем случае, не сдала бы дом Жану-Луи. Ты не потрудился передать через Пьера-Антуана, что хочешь отдохнуть, а виновата я?

– Я не мог передать через Пьера-Антуана, потому что тогда ещё никуда не собирался.

– Отпуск неожиданно свалился тебе на голову, а ты решил свалиться на мою? – коротко рассмеялась Бланш. – Ладно, я сейчас возьму такси и приеду. Разберёмся.

Бастиан Паради терпеть не мог, когда она говорила «разберёмся». Утверждал, что разбираться – не женское дело. Но по сути Бланш частенько решала проблемы наравне с мужем. Ей никогда не подходила роль беспомощной маленькой девочки, которой можно всячески помыкать. Странно, что Бастиан до сих пор этого не понял!

Она приехала уже минут через пятнадцать. Во дворе дома на чемодане сидела очаровательная молодая особа лет этак двадцати пяти или, может, чуть старше. У неё были длинные светлые волосы, прямые и очень гладкие, лицо сердечком, ровный румянец. Только глаза усталые и виноватые.

– Салют, – поприветствовала её Бланш и крикнула в сторону распахнутой входной двери.

– Жан-Луи! А почему ты в доме, а мадемуазель сидит на солнцепёке?

– А! – откликнулся живой и весёлый голос. – Тут такое дело, Бланш! Мсье Паради приказал ей ждать во дворе, и я никак не могу его убедить, что мадемуазель больше понравится внутри. Тут прохладнее!

Бланш фыркнула, аккуратно взяла гостью под локоток и вынудила встать с чемодана.

– Эти мужчины, – сказала вполголоса. – Идёмте, мадемуазель. Никто не имеет права приказывать вам.

– Но я его невеста, – сказала молодая женщина, не особенно сопротивляясь.

– Тем более, идёмте. Там действительно прохладнее, а в холодильнике наверняка найдётся лимонад или хотя бы содовая.

– Оранжад, – сообщил Жан-Луи голосом змея-искусителя. – С мятой. И немного грейпфрута. Налю всем по стаканчику!

Ледяной апельсиново-грейпфрутовый напиток освежил всех. В домике Бланш, в просторной кухне, бывшей заодно и гостиной, и столовой, нашлось место всем. Тут было большое окно с видом на побережье, холодильник с огромной морозильной камерой, полной колотого льда, и прохладный плиточный пол, по которому так хорошо ходить босиком.

Бастиан неплохо выглядел в светлой рубашке с фруктовым узором – загорел даже в своём монпансьельском офисе. Или он там работал на крыше, или постоянно сбегал под солнышко! А вот его подруга, которую он наконец-то представил как Мими, казалась бледной и измученной.

– Меня, видимо, укачало в дороге, – сказала она. – Мы ехали автобусом.

– В такую-то жару, – посочувствовала Бланш. – Итак, Бастиан, чего ты хочешь?

– Чтобы ты выселила своего друга. Всё равно Пьер-Антуан поселится тут. А заодно и мы с Мими.

– Хорошо, – кивнула Бланш. – Это стоит пять жюке в неделю.

– Пять?! – возмутился Бастиан.

– В сезон отпусков за такие деньги ты найдёшь жильё разве что на Мышиной горке. Но я тебе не советую – там полно жулья и хулиганов, – сказала Бланш. – Если ты рассчитывал свалиться мне на голову и получить бесплатно то, за что люди платят кучу денег – извини. Но если Жан-Луи согласится принять вас как гостей, то живите на здоровье.

– Ну, я подумаю, – сказал доктор с ироничной улыбкой.

А сам подлил ещё розовато-оранжевого напитка в стакан Мими.

– Но это наш дом, – насупился Бастиан, поняв, что взять крепость наскоком не вышло. – Бланш, мы же договаривались, что к приезду сына ты его освободишь ненадолго, вот я и подумал... Ты ведь писала Пьеру-Антуану, что теперь не нуждаешься в дополнительных деньгах и можешь не сдавать дом.

– Деньги никогда не лишние, Бастиан, – ответила Бланш, тоже смягчая тон. – Но дело было не в них, а в том, что человеку, спасшему мне жизнь, негде было жить. Ты же понимаешь, что Роже меня похитил и, возможно, хотел убить?

Мими тихо вздохнула.

– Ты ни о чём таком не говорил, Бастиан. Простите, мадам Паради. Мы не знали.

– Вы не знали, мадемуазель, – подчеркнула Бланш. – А вот ваш жених...

– Я ещё не делал предложения, – быстро сказал Бастиан. – Чтоб ты знала, Ми... Давай сразу расставим точки...

Мими, кажется, готова была вскочить со стула и уйти – но вместо этого стала с него медленно сползать.

– Мне кажется, вашей не-невесте нужна помощь доктора, – промурлыкал Жан-Луи.

И, подхватив Мими на руки, унёс из столовой в комнату.

– Бланш, – сказал Бастиан. – Прости, я дурак.

– Дурак. И прощаю. Но доктора Бонэ выгнать не могу. Прости, он для меня важнее, чем ты и твоя мадемуазель, которую ты ни в грош не ставишь. И кличешь, как собачку. Но её бы я как раз оставила тут, ей что-то нехорошо.

– Может, отвезём её в больницу? – отозвался из-за стены Жан-Луи. – Простите, тут всё очень хорошо слышно.

– Бланш...

– Бастиан, я страшно рада, что ты решил вопрос с жильём нашего сына. И хорошо, что ты приехал отдохнуть. Только можно ты будешь как-то отдельно от меня? Не решай свои проблемы за счёт моего дома, денег, времени и так далее. Я уже давно не твоя женщина, и дом этот, если ты помнишь... Он мой.

Бывший муж заметно скис. Он был эгоистом и порой раздражал до скрипа зубов – но всё-таки они с Бланш были когда-то счастливы вдвоём! Поэтому она предложила:

– Хочешь, я помогу тебе найти недорогое бунгало возле пляжа? Там есть неплохие варианты.

– Я всё-таки в больницу, – уже откуда-то от дверей оповестил Жан-Луи. – Это не перегрев и не укачивание, девушка чем-то отравилась. Что вы ели в дороге?

– Только фрукты, – растерянно ответил Бастиан.

– Только фрукты, – сказал-пропел Жан-Луи. – Кто-то не помыл только фрукты и только руки, кто-то не помыл только руки и только фрукты...

Песня походила на колыбельную. Бланш выглянула из дома – доктор нёс Мими к своей машине и укачивал, как ребёнка.

Когда они уехали, Бастиан допил оранжад и с громким стуком поставил стакан на стол.

– Пожалуй, я тоже поеду, – сказал он так холодно, будто лёд его всего заморозил изнутри. – Привет Пьеру-Антуану. Вот тебе три, нет, четыре жюке за беспокойство и ещё два Мими на обратный билет. Прощай. На всякий случай: сыну я в крыше над головой не откажу. Я не ты.

Если бывший муж пытался вызвать в Бланш чувство вины или что-то подобное – то он здорово просчитался.

– Прощай, – сказала она. – До вечернего поезда ещё есть время, так что сходи на пляж. Море нынче просто волшебное!

Бастиан подхватил два чемодана из четырёх – и был таков. Бланш затащила сумку и два других чемодана в дом: если уж Мими вернётся, то только сюда.

Бедная девушка! Приехала с этим эгоистом в расчёте на то, что получит романтический отпуск и предложение в прекрасной обстановке: море, солнце, пляж, кольцо в бархатной коробочке... Хотя рассчитывать на такое при разнице лет в двадцать довольно-таки смешно.

Бланш смеяться не стала. Убрала в холодильник графин с оранжадом, ополоснула стаканы, вытерла со стола и прикрыла створки окна. Захлопнув дверь дома, пошла по набережной, держа туфли в руках – тут было очень чисто, булыжники мостовой под босыми ногами казались такими приятными, тёплыми и шершавыми.

– Мадам Паради, – окликнули её.

– О, да это Густав! – обрадовалась она, увидев человека на велосипеде.

Белая спортивная рубашка, шорты, толстый слой не размазанного как следует защитного крема на открытых участках тела, кепи с таким большим козырьком, что тень скрывала всё лицо, порозовевшее от солнца и ветра... Густав Шнайдер подготовился к прогулке весьма основательно! А Бланш даже не захватила с собой шляпу.

– Я должен сказать вам спасибо, мадам Паради. Манука согласилась стать моей женой!

Всё-таки было сложно отделаться от образа этих двоих в постели. Белоснежный Густав и шоколадная Манука... Бланш хлопнула ресницами и рассеянно поздравила альбиноса.

Вернувшись домой, она нашла в почтовом ящике письмо.

ГЛАВА 4. Этьен

Массажный стол был изобретён Жаном-Луи Бонэ. Механизм был сделан в Монпансьеле, а столешница заказана у здешнего мастера гробовых дел. Ибо обычный столяр никак не мог взять в толк, что именно от него хотят. А вот гробовщик справился на ура, только во время примерки страшно шутил. Этьен до сих пор припоминал его чёрный юмор, морщился и посмеивался. «Будете лежать удобно, как в гробу! – обещал мастер. – Как это – лицом вниз? А дыра зачем? Дышать? Вы что, ещё и дышите?»

– О мой бог, Этьен...

– Что?

Он как раз и лежал лицом вниз. Отверстие для лица в столе было обито мягкой тканью... Лежал и пытался не забывать дышать. Но как не забывать, если ты лежишь голый, с одним только небольшим полотенцем, прикрывающим зад, а над тобой стоит женщина, в которую ты влюблён, и причитает? А её эмоции? Эта смесь материнской всепоглощающей любви и женской жалости. Но ни капли желания. А как бы хотелось...

– Кажется, я переоценила свои силы, вот что. И потом, у тебя тут столько шрамов... Откуда это?

Тёплая рука накрыла спину там, где был один из его самых первых серьёзных переломов. Несколько сломанных рёбер прорвали слой мышц и кожу, торчали наружу – Этьен думал тогда, что точно умрёт. Странно, что не умер. Но рубцы остались.

– Переломы бывают открытые и закрытые, – сообщил он сдержанно. – Это был не закрытый перелом.

– Мой бог... И здесь...

Рука переместилась выше, где над лопаткой бугрился рубец – Этьен его никогда не видел, но этот шрам до сих пор иногда мешал спать. А поначалу ещё и жутко зудел!

– Жан-Луи оперировал, – сказал он. – Тут прошла пуля, кость здорово искривилась, ну и... Бланш, достаточно. Дай мне встать и одеться. Плохая была идея, надо было придумать другое желание.

– Подожди, подожди, – быстро сказала она. – Я сейчас, я справлюсь. Позволь мне, пожалуйста! Я очень хочу... хочу, чтобы твой массаж не причинял тебе ничего, кроме облегчения. Я даже прочитала книгу, и кое-что уточнила у Жана-Луи и у мадам Анри.

– Ох, вот это лишнее. Мадам Анри, она...

– Я знаю. В общем, справлюсь. Просто я не ожидала.

– Ты же видела меня в купальном костюме.

– Там были шорты и закрытая майка. Я и половины твоих шрамов не видела, оказывается. Подожди, я сейчас справлюсь.

– Ты видела в моём кабинете папку?

– Какую папку? – руки Бланш осторожно погладили шею, мягко и в то же время с приятным нажимом принялись массировать мышцы плеч. – А, ту папку. Как мило, что ты убрал с неё магию. Но я бы всё равно не стала читать без твоего позволения. А может, расскажешь?

– Не знаю, – он тихо вздохнул, когда понял, что Бланш опять закрылась.

Сейчас он вообще её эмоций не улавливал, как будто его массировала кукла. Или мадам Анри – у той здорово получалось... отстраняться. Если Бланш попытается сделать всё то же самое, это будет куда более унижительно. Мадам Анри, немолодая и равнодушная, осуществляла эротический массаж дважды в неделю, и потом ему всегда бывало стыдно. Собственно эротики в её действиях вообще не было. А Бланш, она ведь совсем другая – именно поэтому Этьен поначалу испугался, когда она появилась, такая жизнерадостная, красивая и, что греха таить, сексуальная.

– Жан-Луи говорил, что рубцы тоже надо разминать, – сказала Бланш, осторожно разглаживая кончиками пальцев правую лопатку. – Страшно подумать, что было бы, если б пуля не застряла в кости...

– Мои мучения закончились бы пятнадцать лет назад, – проворчал Этьен.

Её руки скользили вдоль спины – от шеи к пояснице и обратно. Затем снова вернулись к разминанию рубцов. Пожалуй, телу было приятно. Если отвлечься от отсутствия эмоций, то у Бланш неплохо получался массаж. Жаль только, что вместо её нежности, пусть даже материнской, он ощущал только пустоту, в которой почему-то звенела привязчивая мелодия из популярной песенки.

– Выходит, после того, как тебя прокляли, – сказала она, – ты не сразу понял, что произошло. И продолжил службу.

– Примерно так, – ответил Этьен. – Ты на редкость проницательна! Только сначала, когда мать убитого меня прокляла, надо мной собрались специалисты и давай колдовать! Проклятие сняли почти сразу.

– Мать убитого?

– Я застрелил грабителя банка. Оказалось, что он был в отчаянии после того, как потерял работу, а кредиторы насели на него с тем, чтобы он выплатил долг. Парень просто попал в отвратительную ситуацию: больная мать, увольнение, долги... Ему были нужны деньги. Если бы я знал!

– Что бы ты сделал? Дал бы грабителю денег? – вздохнула Бланш. – Ты делал свою работу.

– Нет. Я ведь был инспектором-детективом, а не патрульным полицейским. В банке я оказался среди клиентов, а не по службе. При мне даже не было парализанта – только мой пистолет, который...

– Который ты должен был сдать в участке, уходя на обед?

– Что-то вроде того, – Этьен стиснул зубы, когда Бланш, деликатно миновав полотенечную зону, перешла к массажу мышц на бёдрах. Но тут же что-то хрустнуло в челюсти, так что он попытался расслабиться, чтобы не навредить себе больше обычного. – У меня был пистолет. У него тоже. Он угрожал людям. Он выстрелил первым, ранил клерка – и я...

Отработанная реакция, можно сказать – инстинкт. Людей было немало, они перепугались. Этьена захлестнуло волной всеобщего страха, животного страха смерти. Боялись за себя, боялись за других, боялись оставить детей без родителей, боялись... Он ещё какое-то время пытался вычленил среди этого ужаса эмоции грабителя, но не смог. Увидев, что дуло пистолета мечется между плачущей женщиной средних лет и раненым молодым человеком, Этьен не выдержал. На то, чтобы выхватить пистолет и выстрелить, ушло не больше секунды. Но за эту секунду он, наконец, почувствовал эмоции парня. Тот тоже боялся – за умирающую мать, которую не на что ни лечить, ни содержать, ни кормить. Умирать ему было страшно, но страшнее понимать, что она останется совсем одна, без помощи и без средств.

– Жан-Луи говорил, что ты повёл себя как герой, – сказала Бланш. – Спас людей.

– Я убил человека, которого можно было спасти, – угрюмо ответил Этьен. – И заплакал.

Это было невероятно тяжело и болезненно: понять, что чувствует человек перед смертью. И послать туда людей. Но зачем сунулся сам? Встал возле дома, сгорбился, смотря, как двое медиков тащат носилки с тяжело больной женщиной. Она приподнялась, увидела Этьена и закричала.

«Чтоб у тебя все кости стали хрупкими, как сахарные фигурки, и переломались бы одна за другой, чтоб твоя клятая магия встала у тебя поперёк горла и каждое действие причиняло бы тебе боль! А когда ты свихнёшься от этой боли, ты сдохнешь один, сгниёшь, никому не нужный, ты, ты... Гнусный полицейский! Будь проклят! Умри в мучениях!»

– Она была магом? – полный сочувствия голос вернул Этьена в массажную комнату, на стол, где он лежал лицом вниз и чувствовал тепло женских рук на своих ягодицах.

Когда она успела сдёрнуть полотенце?

– Она была магом. Проклятие удалось повернуть вспять, но последствия остались... И, Бланш, ради бога, остановись.

– Что такое?

– Для не мага ты отлично держишь ментальный блок, я восхищён, как тебе это удаётся...

– О, это не так уж сложно, но я устаю. Достаточно просто крутить в голове одну и ту же строчку из любой песенки, лучше какой-нибудь очень тупой.

– Дай догадаюсь, – сказал Этьен, – эта строчка... «Не того я выбрала, не в того влюбилась», да?

– Угу. «И моё сердечко вдребезги разбилось», – напела Бланш. – Могу я продолжить массаж?

И принялась как ни в чём не бывало массировать икры ног.

– Нет, – сказал Этьен. – Не можешь. Послушай, я понимаю твои усилия. Но и ты пойми.

– А что?

– Ты спросила совета у мадам Анри. Но тебе этот совет не подходит. Не закрывайся от меня, потому что... В конце концов её усилиями я скатился в депрессию. Невозможно переносить некоторые процедуры от человека, который в эмоциональном плане не богаче этой кушетки.

– Но тогда ты почувствуешь...

– Что? Что ты меня не любишь? Но это не так.

– Я люблю, – поспешно сказала Бланш, и тут её блок обрушился.

Она была смущена и обескуражена. Она была в полном смятении. Этьена накрыло её эмоциями с головой.

– Я то есть не то чтобы люблю, но ты же лучше меня знаешь!

– Любишь, – Этьен блаженно улыбнулся и, нащарив рукой полотенце, кое-как прикрыл зад. – И от этого стараешься. И делаешь всё не так.

– А как? Как с тобой... Я не знаю! – почти выкрикнула она. – Это беспокоит меня с самого первого поцелуя, потому что я боюсь тебя хотеть! Как ты представляешь – нас? Скажи! Разве тебя это не волнует?

Ещё сильнее смутилась. Этьен повернулся, чтобы увидеть лицо. Ну да, покраснела так, словно опять перележала на солнце!

– Ещё как волнует, – сказал он как можно ровнее, потому что на самом деле нельзя было не взволноваться от таких признаний и от того, какой ценой они ей давались. – Но пока простого массажа без блоков и без шалостей мне будет достаточно.

– А мне?

Он улыбнулся.

– Поэтому я и говорю – пока давай без шалостей. Но когда ты решишь, что не хочешь останавливаться, скажи.

Бланш всплеснула руками.

– Боже упаси, – сказала она. – Ты такой сложный, как пирожное в кондитерской Максимилиана Перро в Монпансьеле. Не представляю, как я... как мы справимся.

– Но мы справимся, если ты этого захочешь. Я обещаю.

Она продолжила массаж. И довольно быстро его закончила. У неё слегка дрожали и руки, и нервы. Вся будто вибрировала! Но блоков больше не ставила. Всё, что она чувствовала, передавалось через прикосновения, и пусть Этьен не улавливал самого главного: желания! – он всё же был рад. Всё, что угодно – и скрытое негодование, и смущение после откровенного разго-

вора, и какая-то смутная радость, и даже та же жалость при виде разных рубцов от ран и операций... Всё, что угодно, кроме ощущения, будто тебя массирует кукла.

– Какие у тебя на сегодня планы? – спросил он, когда Бланш закончила и принялась вытирать его от массажного масла.

– После этого сеанса мне необходимо успокоиться, – сказала она. – В жизни столько не переживала!

– Звучит забавно, – сказал Этьен. – Значит, мне снова искать новую сестру-массажистку?

– Ещё чего. После такого ты точно мой, и я тебя никому не отдам, – Бланш неожиданно шлёпнула его по бедру, и Этьен захохотал.

– Боже, Бланш, когда ты перестанешь меня удивлять?

– Когда умру, то есть лет через тридцать-сорок, не раньше, – сообщила она. – Пойду приму душ, а потом прогуляюсь.

Тут-то он и услышал в её интонациях какую-то фальшь.

– Куда прогуляешься? Может быть, я составлю тебе компанию?

– Я хочу побыть одна, подумать, – сказала Бланш. – Мне всё ещё не даёт покоя дело с похищенными по объявлениям. Оно как будто не раскрыто до конца.

– Тела ещё не найдены, – откликнулся Этьен, – Верньер говорит, что арестованный парень так и не сознался ни в чём.

– А вдруг они живы? – спросила Бланш. – И ещё, а вдруг это не он? Тебе не кажется, что такого молодого парня вообще не должны особо интересовать тридцатипятилетние дамочки? Разве в двадцать три или сколько ему там, разве в этом возрасте они не считают нас рухлядью?

– Неа, – сказал Этьен, нажимая на рычаг, чтобы опустить массажный стол пониже. И, натягивая штаны, продолжил. – Это как раз такой возраст, когда хочешь практически любую женщину, хоть сколько-нибудь привлекательную, а её годы не имеют большого значения. Многие как раз ищут зрелую и раскрепощённую, опытную женщину лет тридцати. Ну, а попозже становятся более переборчивыми – как, в общем-то, и дамы.

– Фу, – сказала Бланш коротко. – Мужчины всё-таки изрядные козлы. Включая моего бывшего. Вообрази, я считала его приличным человеком, но он внезапно вломился в мой дом, стал требовать выгнать оттуда Жана-Луи... и даже привёз молодую невесту. Мне было перед ней неловко.

– Почему именно перед ней? – удивился Этьен. – Неловко должно было бы быть твоему бывшему мужу.

– Я не знаю, – призналась Бланш. – Мне кажется, она с ним поехала, не до конца понимая, что её ждёт. Наверно, надеялась на то, что он подарит ей кольцо и позовёт замуж. А он рассчитывал провести отпуск в бесплатном домике у моря!

– Страсти какие, – усмехнулся Этьен. – То есть ты идёшь не просто прогуляться, а продолжать выяснять отношения с этим... козликом?

– Он не козлик, а козлище, – возразила Бланш. – К тому же он уехал. И свою невесту бросил в больнице. Надеюсь, Жан-Луи её вылечит.

Этьен пожал плечами.

– Если у неё будет сильное расстройство, могу её навестить, – сказал он осторожно. – Но ты так и не признаёшься, куда идёшь гулять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.